

eISSN 2311-2468
Том 11, № 9. 2023
Vol. 11, no. 9. 2023

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

БЕЛОВА Н. А., КЕЖАЙКИНА А. В.

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ**

Аннотация. В статье рассматривается использование заимствованной лексики в текстах современной газетной публицистики на примере издания «Культура». Выявляются причины проникновения заимствованных слов в российские СМИ, даётся классификация заимствований по тематическим группам. На основе результатов исследования установлено, что англо-американизмы являются наиболее частотными заимствованиями в современных русскоязычных СМИ.

Ключевые слова: заимствования в русском языке, иноязычная лексика, язык СМИ, глобализация, англицизмы, варваризмы, экзотизмы, композиты, тематические группы, стилистические функции.

BELOVA N. A., KEZHAYKINA A. V.

**STRUCTURAL-SEMANTIC AND STYLISTIC ANALYSIS
OF BORROWINGS IN MODERN NEWSPAPER TEXTS**

Abstract. The article considers the use of borrowed vocabulary in modern media texts on the example of the Culture newspaper. The reasons for the penetration of borrowed words into the Russian media are revealed, the classification of borrowings by thematic groups is given. Based on the results of the study, it was found that Anglo-Americanisms are the most frequent borrowings in modern Russian media.

Keywords: borrowings in the Russian language, foreign vocabulary, media language, globalization, Anglicism, barbarisms, exoticisms, composites, thematic groups, stylistic functions.

Одним из наиболее эффективных и показательных методов расширения лексического состава русского языка является заимствование слов из других языков. Термин «заимствование», как отмечают исследователи Е. В. Сенько и А. С. Чекоева, неоднозначен, поскольку обозначает и процесс, и результат этого процесса [11]. Новые слова пополняли лексику русского языка на протяжении веков, что является следствием постоянных контактов с другими странами на всех уровнях: экономическом, политическом, культурном, социальном. В нашем языке функционирует значительное количество слов из тюркских языков (*аркан, сазан, изюм*), французского языка (*абажур, бланк, гардероб*), немецкого (*солдат, шлагбаум, вахта*), итальянского (*фортепиано, опера, серенада*), испанского (*танго, эмбарго, какао*) и многих других. Несомненным остается тот факт, что взаимодействие с

иной культурой, столкновение с чужими реалиями и понятиями влечет за собой процесс заимствования лексем, в результате которого в конкретный язык интегрируются и впоследствии подвергаются различной степени адаптации иноязычные слова и выражения.

В условиях функционирования единого информационного пространства ключевую роль в распространении заимствованных слов играют СМИ, с помощью которых события и факты получают словесно-образное выражение. Язык СМИ, отражая динамику языковых процессов, является ярким показателем социальных перемен [1]. Так, начало стремительного притока заимствований в российскую газетную публицистику приходится на 90-е годы XX века [8]. В постсоветском пространстве создается благоприятная почва для «вестернизации» всех сфер общества; западный образ жизни начинает соотноситься с прогрессивностью и успехом. Причины активной интеграции иноязычных слов в язык СМИ в этот период традиционно связывают с влиянием глобализации, которая характеризуется ростом научно-технического прогресса, бурным развитием информационной среды, культурными, политическими и экономическими взаимодействиями стран.

Лингвистический аспект данного феномена принято называть «языковой глобализацией», под которой понимается распространение английского языка по всему миру, рост его востребованности во многих сферах [2]. За английским языком закрепляется статус *lingua franca* – языка международного общения. В современном мире именно английский является языком науки, образования, бизнеса, авиации, шоу-бизнеса, политики, дипломатии и других областей. Как отмечает В. Г. Костомаров, для представителей многих культур английский язык несет в себе отпечаток прогрессивности, престижности, элитарности, эксклюзивности, материального благополучия, прогресса [6]. По этой причине среди всего пласта заимствований в текстах современных СМИ доминирует лексика англо-американского происхождения.

Проблеме заимствования в разное время посвящали свои работы такие известные ученые-лингвисты, как Э. Хауген («Языковой контакт») [16], Л. П. Крысин («Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному языку и социолингвистике») [7], О. П. Сологуб («Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке») [14], Е. В. Маринова («Теория заимствования в основных понятиях и терминах») [10] и многие другие. Проблема изучения заимствованной лексики в наши дни является важной в связи с тем, что именно в последние десятилетия создались оптимальные условия для заимствования русским языком иноязычной лексики.

Интерес к изучению заимствованной лексики в языке СМИ так же актуален в настоящее время, поскольку иностранные слова, с одной стороны, являются источником

пополнения общего словарного фонда языка, с другой – могут использоваться неуместно, что особенно заметно в речи представителей СМИ.

Так, в работе М. В. Хаптеевой, Х. Б. Гаирбековой выводится тезис об обеднении современного русского литературного языка, что связано со снижением уровня речевой культуры в средствах массовой информации за счет широкого использования заимствований из иностранных языков, преимущественно западноевропейских [15]. Помимо неоправданного использования заимствованных слов и выражений в прессе и в публичных выступлениях, обеднению языка способствует использование сленга, просторечий и жаргонов. Подобной позиции придерживается и М. В. Калинина, затрагивая в своей работе проблему «экологии языка». Исследователь приходит к выводу, что активное употребление заимствований в масс-медиа затрудняет восприятие информации, несет угрозу русскому языку и национальной культуре [4]. С другой стороны, воздействующая функция, важная в языке СМИ, обуславливает острую потребность в использовании оценочных средств выражения, а иноязычное слово «способно привлечь внимание читателя своей необычностью, экзотичностью, "модностью", "авторитетностью"» [3, с. 3]. Таким образом, вопрос об использовании иноязычной лексики в текстах СМИ на современном этапе является дискуссионным.

Целью нашего исследования является изучение заимствованной лексики и ее стилистических функций в текстах издания «Культура». Для реализации поставленной цели выдвинуты следующие задачи: 1) выявить методом сплошной выборки заимствованную лексику в статьях издания «Культура» с ноября 2022 г. по январь 2023 г.; 2) классифицировать заимствованную лексику по тематическим группам; 3) определить стилистическую функцию заимствований.

В анализируемых статьях наиболее частые случаи употребления заимствований объединены в тематические группы «Музыка», «Киноиндустрия», «Коммуникации», «Профессии».

Тематическая группа «Музыка» (19 фактов употребления).

Хит-парад (от англ. hit – удар, попадание, удача, parade – парад, шествие), *биг-бэнд* (от англ. big band – большой оркестр), *бэнд-лидер* (от англ. band – оркестр, leader – ведущий), *бэк-вокал* (от англ. backing vocal – пение на заднем плане), *мелос* (от греч. melos – напев), *опус* (от лат. opus – дело, произведение), *лонгплей* (от англ. long play – долгоиграющий), *бит* (от англ. beat – удар).

Среди выявленных заимствований особенно выделяются музыкальные жанры: *хард-рок* (от англ. hard rock – тяжелый рок), *софт-рок* (от англ. soft rock – мягкий рок), *рок-н-ролл*

(от англ. rock and roll – качайся и крутись), *хеви-метал* (от англ. heavy metal – тяжелый металл), *соул* (от англ. soul – душа), *свинг* (от англ. swing – раскачка).

Примечательно, что тексты, затрагивающие темы национальной музыки, изобилуют экзотизмами, которые описывают реалии нерусской действительности. Экзотизмы используются для передачи национально-культурной специфики, в рамках данной тематической группы и конкретного примера – знакомят читателя с музыкальными реалиями татарского народа: «У нас оркестр европейского уровня, но при этом в нем звучат *баян, курай, кубыз*, каждая песня – с национальным колоритом», «На сцене Татарского театра оперы и балета имени Мусы Джалиля в седьмой раз состоялся грандиозный праздник татарской песни «*Узгәреш жиле*» // Статья «Фестиваль "Ветер перемен" в Казани: татарская песня устремлена в будущее, автор: Александр Матусевич, издание «Культура», 16.12.2022.

В текстах, посвященных западноевропейской музыке, в частности, американской, употребляется значительное количество варваризмов: «Творчество Хендрикса не отличается подчеркнутой доходчивостью, его даже *мейнстримовым* можно назвать с большой натяжкой» // Статья «Говорящая гитара, или Гений Джими Хендрикса», автор: Денис Бочаров, издание «Культура», 25.11.2022. Отличительной чертой варваризмов является наличие лексического эквивалента в русском языке и окказиональный характер употребления. Автор мог использовать синонимичное прилагательное «популярным», однако варваризм «мейнстримовым» несет в себе оттенок престижности и, соответственно, имеет большую экспрессию.

Тематическая группа «Киноиндустрия» (17 фактов употребления).

Лексика данной тематической группы в основном представлена наименованиями новых кинематографических жанров: *артхаус* (от англ. art house – дом искусств), *трейлер* (от англ. trailer – идущий по следу), *триллер* (от англ. thrill – трепет), *блокбастер* (от англ. blockbuster – разрушитель кварталов), *приквел* (от англ. prequel – предыстория), *сиквел* (от англ. sequel – продолжение), *триквел* (от англ. three – три + sequel – продолжение), *экшен* (от англ. action – действие), *плейбэк* (от англ. playback – игра назад), *интертеймент* – (от англ. entertainment – развлечение), *постпродакшн* (от англ. post – после и production – продукция), *бэкстейдж* (от англ. backstage – за сценой), *байопик* (от англ. biopic – биографическая картина).

В материалах издания «Культура» частотны случаи употребления композитов, в том числе из области кино (*шорт-лист, спин-офф, клипмейкер*). По мнению А. О. Шишолойной, композиты являются результатом процесса заимствования или же имеют в своем составе иноязычный элемент [17]. Например: «Падение к относительно благополучному 2019-му

составило 61% *бокс-офиса* и 66% – по зрителям, то есть отрасль упала в три раза» // Статья «Итоги 2022 года в киноотрасли: зависимость от американского кино привела к падению на 60%», автор: Алексей Коленский, 14.12.2022. Композит *бокс-офис* (от англ. box office – будка билетёра) означает кассовый сбор от проката фильма. Автор использует данный композит не только по причине кажущейся экспрессии англоязычных слов, но и с целью замены более широкого по своей структуре русского синонима, поскольку слова-композиты «обеспечивают экономию речевых средств и усилий в процессе общения, что особенно важно для носителей русского языка XXI века, речь которых отличается динамичностью и демократичностью» [12, с. 1].

Тематическая группа «Коммуникации» (16 фактов употребления) объединяет слова, относящиеся интернет-пространству: *блог* (от англ. blog – сетевой дневник), *блогер* (от англ. blogger – автор сетевого дневника), *пост* (от англ. post – сообщать, объявлять), *контент* (от англ. content – содержание), *стриминг* (от англ. streaming – потоковое вещание), *Ютьюб* (от англ. you – ты/вы и tube – труба, на сленге означает телевизор), *Telegram* (от англ. telegram – телеграмма), *хештег* (от англ. hashtag от hash – знак «решетка» и tag – метка), *онлайн* (от англ. online – на линии), *оффлайн* (от англ. offline – не на линии), *фейк* (от англ. fake – подделывать, фальсифицировать). Выделяются слова, связанные с телевидением и телефонной связью: *реалити-шоу* (от англ. reality – действительность, реальность и show – представление, показ), *ток-шоу* (от англ. talk show – разговорное представление), *прайм-тайм* (от англ. prime-time – наиболее удобное, лучшее время), *шоураннер* (от англ. show runner – продвижение шоу), *колл-центр* (от англ. call center – центр обработки звонков).

Сфера интернет-коммуникаций является наиболее восприимчивой к принятию иноязычных слов: «Онлайн-премьера новых приключений *блогера-пранкера* в исполнении Виктора Хориняка состоится 30 января на Premier, сообщила пресс-служба *стриминга*» // Заметка «Комедия "Непослушник 2" о блогере в монастыре появится в Сети», 30.01.2023. Центральной функцией заимствований является номинативная, обусловленная необходимостью назвать новые явления, предметы и реалии. Названия социальных сетей не имеют русского эквивалента, поэтому передаются либо графическими и фонетическими средствами языка-источника, либо русской графикой: «Создатели игры по вселенной Гарри Поттера раскрыли имя актера, воплотившего образ Финеаса Найджелуса Блэка, а также выпустили ролик с ним на *ютьюбе*» // Заметка «Директора Хогвартса в Hogwarts Legacy сыграл Саймон Пегг», 11.01.2023.

Тематическая группа «Профессии» (13 фактов употребления).

Названия большинства новейших профессий можно классифицировать по нескольким сферам. Сфера продаж: *бренд-менеджер* (от англ. brand – клеймо, знак и manager – управляющий), *девелопер* (от англ. develop – совершенствовать, разрабатывать), *дистрибьютор* (от англ. distributor – распространитель), *супервайзер* (от англ. supervisor – наблюдатель, контролер), *мерчендайзер* (от англ. merchandiser – товаровед), *промоутер* (от англ. promote – продвигать, содействовать). IT-сфера: *веб-дизайнер* (от англ. Web designer – веб-разработчик), *геймдизайнер* (от англ. game design – разработчик игр).

Таким образом, мировой прогресс обусловил возникновение новых профессиональных отраслей, названия которых активно вбирают в себя тексты современных СМИ: «Это заслуга *дистрибьюторов*, что они пробили это время» // Статья «Фильм "Чебурашка": у нашего кино лучшее, конечно, впереди!», автор: Елена Сердечнова, 26.01.2023, «С одной стороны, все эти, прости Господи, *промоутеры* Зулейхи как будто уснули на стопке журналов "Огонек" – кто-то давно разобрался с миллиардами расстрелянных, кому-то это просто неинтересно» // Статья «При чем тут Зулейха?», автор: Светлана Землелова, 29.11.2022, «Своим видением будущего The Super Mario Bros. Movie поделился *геймдизайнер и топ-менеджер* Nintendo Сигэру Миямото, сообщает Game Rant» // Заметка «Создатель Марио объяснил, почему новую экранизацию культовой игры ждет успех», 12.11.2022. Стоит отметить, что частотны случаи употребления неполностью ассимилированных заимствований-наименований лиц по профессии, в состав которых входят аббревиатуры или элементы, графически оформленные средствами языка-источника: SMM-специалист, digital-дизайнер, PR-специалист, PR-менеджер.

Обобщая материалы исследования, можно сделать вывод, что иноязычная лексика заимствуется многими сферами, не обходя стороной и область масс-медиа, уверенно занимая в ней устойчивые позиции. Подавляющее большинство заимствований в текстах издания «Культура» за ноябрь 2022 г. – январь 2023 г. имеют англо-американское происхождение, зафиксированы единичные случаи использования грецизма и латинизма. Основные сферы функционирования заимствованной лексики – кинематограф, музыкальная индустрия, информационная среда. Появление всемирной паутины – сети Интернет, развитие новейших компьютерных и информационных технологий, распространение западной культуры, мировой статус английского языка – все это обусловило проникновение в медиатексты большого количества англо-американизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеевская А. О. Язык СМИ как индикатор социальных перемен // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2015. – № 3 (17) – С. 122–129.
2. Баландина Л. А., Ганина Е. В. Лингвистические аспекты глобализации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2016. – № 6. – С. 73–74.
3. Зирка В. В. Заимствование в рекламе: мода и информативность. – М.: Наука, 2012. – 130 с.
4. Калинина М. В. Экология языка. Заимствования в средствах массовой информации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 2. – С. 43–47.
5. Карасик В. И. Тенденции развития общения в современной массовой культуре. – М.: Наука, 2010. – 250 с.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
7. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
9. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX - начала XXI века: проблемы освоения и функционирования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – М., 2008. – 509 с.
10. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах. – М.: Флинта, 2013. – 240 с.
11. Нарочная Е. В. Иноязычные слова в современной российской публицистике // Язык и культура. – 2009. – № 4. – С. 84–97.
12. Сахарный Л. В. Структура слова-универба и контекст // Словообразование и семантико-синтаксические процессы в языке. Межвузовский сборник. – Пермь, 1977. – С. 27–37.
13. Сенько Е. В., Чекоева А. С. Современная теория заимствования: терминологический аспект // Вестник КГУ. – 2018. – № 2. – С. 290–292.
14. Сологуб О. П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет. Материалы третьей научной конференции. – Новосибирск, 2002. – С. 130–134.

15. Хаптеева М. В., Гаирбекова Х. Б. Деграация русского языка на примере российских СМИ // Актуальные вопросы современной науки и образования. – Петрозаводск, 2019. – С. 449–456.
16. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. VI. – С. 61–80.
17. Шишолоина А. О. Типология новейших композитов русского языка // Вестник ОГУ. – 2016. – № 4 (192). – С. 49–53.

АЛЕКСАНДРИНА Е. Н.
АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ АББРЕВИАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена вопросу становления аббревиации как способа словообразования и активности употребления сокращений в разные временные эпохи. Рассматривается актуальность использования аббревиатур в текстах современной газеты «Авангард» как авторитетного источника, который отражает общественную жизнь сегодняшнего дня.

Ключевые слова: аббревиация, сокращения, словообразование, «аббревиатурный взрыв», газета, СМИ, современный русский язык.

ALEXANDRINA E. N.
ACTIVE PROCESSES IN THE SPHERE OF ABBREVIATION
IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the issues of abbreviation development as a way of word formation and the use of abbreviations in different time periods. The relevance of abbreviations in the texts of the modern newspaper "Avangard" is studied. The newspaper is considered an authoritative source that reflects the social life of a Russian region today.

Keywords: abbreviation, shortening, word formation, "abbreviation explosion", newspaper, mass media, modern Russian language.

В лингвистике не ослабевает интерес к различным способам пополнения лексического запаса современного русского языка. Важную роль для исследования многих проблем в области словообразования, стилистики, лексикографии играет изучение новых слов и словосочетаний. На сегодняшний день актуален вопрос, касающийся активных процессов в сфере аббревиации современного русского языка, так как именно с середины XX века наблюдается активизация сокращенных слов в речи. Развитие аббревиации в русском языке в роли продуктивного способа словообразования однозначно связано с революционной эпохой и возникновением советской государственности. Подчеркнём, что ни один из других языков к 1917 году не превосходил русский по развитию аббревиации.

До октября 1917 года аббревиатуры в большей степени существовали как графические сокращения (*т.д., проч., н/я, проф., М.В.Д*) или как «секретные» («телеграфные»), которые понимали только специалисты (*ЗК, КРК, ЦЧ, ФКРК* – данные аббревиатуры до сих пор

остались не раскрытыми). Послереволюционные сокращения положили начало подлинной истории аббревиации как одного из основных способов словообразования современного русского языка. Интересно то, что за 1917-1918 гг. не создано ни одного государственного учреждения или должности с однословным названием (*Совет Народных Комиссаров, Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, Председатель Совета Народных Комиссаров* и др.).

По мнению Д. И. Алексеева, «аббревиатурный взрыв» в русском языке приходится на 1918 год. По данным ученого, первое место в тот период занимали аббревиатурные названия государственных учреждений, новых административно-географических понятий, главков и центров, учебных заведений, на втором месте – военные сокращения и названия партийных, профсоюзных молодежных, спортивных организаций, обществ [1, с. 46].

Мы расцениваем утверждение, что аббревиатуры несамостоятельны, что их создание и существование зависит от развёрнутого наименования, не вполне верным. Действительно, полная зависимость сокращения от производящего наименования встречается, в частности для графических сокращений. Но в то же время зависимость лексических аббревиатур всё более и более ослабевает. Подтверждением этого могут быть случаи отхождения лексического сокращения от структуры полного наименования. Например, *горпотребсоюз* – *городской союз потребительских обществ (структурное расхождение)*; *главлит* – *Главное управление по делам литературы и издательств (лексическое расхождение)*. По данному вопросу писал Г. П. Уханов, что «сложносокращенные слова, возникнув как словообразовательные кальки составных названий, постепенно приобретают собственную словообразовательную структуру, уже не копирующую синтаксических отношений исходных словосочетаний» [7, с. 192].

Развитие аббревиации как одного из способов словообразования привело к тому, что аббревиатуры перестали создаваться вслед за производящими наименованиями. Они создаются вместе с полными названиями, а в некоторых случаях даже раньше его, аббревиатура опирается на семантику производящего словосочетания и не противоречит ему. Однако, утверждение, что аббревиатуры буквально повторяют семантику полного наименования, неверно. Поясним почему. Аббревиатура не служит для передачи всех информации, которая содержится в расшифрованном словосочетании. Аббревиатура предусматривает обязательное обобщение полного наименования и её сжатие (*Мосэнерго* – *Московское районное управление энергетического хозяйства*).

Если говорить о функциях аббревиатур, то одна из основных – номинативная. Как и любое другое самостоятельное слово, аббревиатура называет предмет или явление. Ещё одна немаловажная функция аббревиатур состоит в экономии языковых средств, что позволяет рассматривать аббревиацию как способ оптимизации речевого сообщения. Но следует помнить, что при употреблении аббревиатур может произойти и обратный процесс. Как отмечается Р. И. Могилевским: «Внутренняя форма некоторых аббревиатур, например, научно-технических, забывается значительно быстрее, чем общеупотребительных сокращений. Более того, многие сокращения вводятся в специальный текст без расшифровки. Аббревиатура в этом случае выполняет дейктическую (отсылочную) функцию, являясь непосредственным маркером категории сложности» [5, с. 37].

На сегодняшний день аббревиатуры крайне необходимы в СМИ, а именно в журналах, газетах, рекламе. В современном газетном тексте используется значительное количество аббревиатур. Это объясняется некоторыми основными факторами: стремление к стандарту; тенденция к экономии языковых средств; социально-политические и экономические преобразования в обществе. Точность, краткость, однозначность аббревиатур, отсутствие образности и экспрессии позволяет аббревиации стать незаменимым средством номинации.

В современном газетном тексте активно используются разные типы аббревиатур. На примере статей газеты «Авангард» г. Новоаннинского Волгоградской области проследим наиболее часто встречающие процессы аббревиации. Методом сплошной выборки аббревиатур из статей и объявлений газеты «Авангард» были рассмотрены 379 лексем в 866 словоупотреблениях. С помощью статического метода мы выделили, какие типы и подтипы аббревиатур употреблялись чаще всего, какие реже, какие не употреблялись.

Наши материалы позволяют предложить словообразовательную классификацию, которая включает группы инициальных, слоговых и комбинированного типа аббревиатуры. Инициальные аббревиатуры составляют 82% от общего количества сокращений, слоговые – 14%, комбинированные – 4%.

1. Наиболее широко представлена группа инициальных сокращений. В свою очередь они делятся на аббревиатуры с буквенным, звуковым и смешанным произношением. Приведем примеры инициальных аббревиатур с буквенным произношением: *Государственный флаг РФ – символ обновленной, независимой страны, объединяющий наш многонациональный народ.* (Александр Тюрин. 22 августа – День Государственного флага Российской Федерации. / М. А. Орлова // Авангард. – 2016. – № 101 – С. 2). В данном

предложении встречается инициальная аббревиатура *РФ*, которая произносится как [эр-эф] (для удобства произношения чаще произносится слитно: [эрэф]). Сравнивая количество употреблений инициальных аббревиатур с буквенным произношением на ряду с другими подтипами, мы выявили, что сокращения данной подгруппа составили 68%.

Рассмотрим предложение со звуковым произношением инициальной аббревиатуры: *Официальная причина отставки – низкие результаты ЕГЭ и мнения ректоров высших учебных заведений* (Артур Чулков. Мир спорта и спортивные войны. / М. А. Орлова // Авангард. – 2016. – № 101 – С. 1). В данном случае аббревиатура *ЕГЭ* произносится как [йэ-зэ], но никак не может произноситься как [йэ-гэ-э] из-за слияния одинаковых гласных [э] в устной речи. Это типичное явление в русском языке. Аналогично произношение спортивного клуба *ЦСКА*: не *тсэ-эс-ка-ка*, а *тсэ-э-ка*. Инициальные аббревиатуры со звуковым произношением составили 22%.

Наименьшее количество в статьях газеты имеют аббревиатуры со смешанным произношением (10%). Например: *Новоаннинский отдел – филиал ФГБУ «Россельхозцентр» по Волгоградской области оказывает услуги по лабораторному исследованию продукции* (Сергей Башкиров. Продукция: безопасность и качество. /М. А. Орлова // Авангард. – 2016. – № 101 – С. 1). Здесь сокращение *ФГБУ* произносится как *фэ-гэ-бэ-у*, хотя следует произносить *эф-гэ-бэ-у*. Данная аббревиатура имеет некоторые произносительные отклонения, которые обусловлены влиянием разговорной речи. Аналогичный пример сокращения *США*. За ним закрепилось по традиции произношение с разговорными названиями букв *С* и *Ш*: *сэ-шэ-а*. В случае с аббревиатурой *ФГБУ* и подобных (*ФРГ*, *ФСБ*) современные словари фиксируют в качестве нормативного произношение с разговорным названием буквы *Ф*.

В число инициальных аббревиатур вошли как сокращения исконно русского происхождения, так и заимствованные. Примеры, которые были рассмотрены выше – употребление исконно русских аббревиатур. На основе отобранного нами материала следует выделить заимствованные аббревиатуры, которые пишутся кириллицей и заимствованные аббревиатуры, написанные латиницей. Чаще встречаются заимствованные сокращения, написанные кириллицей, а не латиницей. Например: *Настораживает, что НАТО в полной мере поддерживает Украину, так что сложности будут*. (Наталья Зубрева. Щёлкнуло! / М. А. Орлова // Авангард. – 2018. – № 142 – С.1); *Раз в году, 1 декабря, наступает день, когда о СПИДе вспоминают все, когда люди всей планеты объединяются для единой цели: остановить ВИЧ и СПИД*. (Наталья Владимирова. Остановите СПИД! / М. А. Орлова //

Авангард. – 2016. – №150 – С.4); *Пластиковые окна «Уют» предлагает свою продукцию из ПВХ профиля* (Объявления. / М. А. Орлова // Авангард. – 2016. – №116 – С. 6). Данные аббревиатуры встречаются чаще в текстах по теме медицины, политики, строительства, и практически не используются в статьях про сельское хозяйство и городские мероприятия.

Воспроизведение заимствованных аббревиатур буквами латинского алфавита – особенность, присущая исключительно русскому языку. Западноевропейские лингвисты особо подчеркивают этот факт в работах, посвященных аббревиации как способу пополнения лексики того или иного языка. При этом они отмечают, что неадаптированные иноязычные аббревиатуры сильно контрастируют в русскоязычных текстах с остальным лексическим материалом.

Процентное соотношение исконно русских и заимствованных аббревиатур можем представить следующим образом: 1) исконно русские – 86%; 2) заимствованные, написанные кириллицей – 10%; 3) заимствованные, написанные кириллицей – 4%.

2. Во вторую группу входят слоговые аббревиатуры. Сокращения данного типа в газете «Авангард» употребляются реже чем инициальные. Слоговые сокращения встречаются в основном в статьях, посвященных сельскому хозяйству и промышленности. Например: *Россельхознадзор обратился в Минсельхоз России с инициативой включить дерматит крупного рогатого скота в утвержденный Минсельхозом России* (Александр Кудряшов. По дерматиту – карантин? / М. А. Орлова // Авангард. – 2016. – № 101 – С. 1); *Автор выражает глубокую признательность председателям СПК «Староаннинский», колхоза племзавода имени Калинина.* (Николай Степыгин. Большая пресс-конференция глазами очевидца. / М. А. Орлова // Авангард. – 2019. – № 3-4 – С. 3).

3. В третью группу вошли сокращения комбинированного типа. Данный тип аббревиатур характеризуется образованием сокращений с помощью сложения инициалов, слогов и слов. Мы выделили структурные подтипы аббревиатур комбинированного типа: 1) слог + слово. Например: *Госпошлина за предоставление разрешения на добычу объектов животного мира оплачивается в размере 650 рублей в отделениях Сбербанка России.* (Наш корр. Открытие сезона. / М. А. Орлова // Авангард. – 2019. – № 102 – С. 1). В данном предложении сокращение *Сбербанк* можно расшифровать как *сберегательный банк*, где *сберегательный* сокращено до *сбер*, а *банк* сохраняется в своей полной форме. Сокращение *Госпошлина* расшифровывается как *государственная пошлина*, в котором государственная усекается до *гос*, а *пошлина* остаётся неизменной. 2) инициалы + слог. Данная группа насчитывает наименьшее количество по отношению ко всем типам и подтипам аббревиатур.

Например: *Администрация Панфиловского сельского поселения Новоаннинского района Волгоградской области извещает о проведении по инициативе Акционерного общества «ФМРус»...* (Наталья Зубрева. Извещение о проведении общего собрания участников долевой собственности. / М. А. Орлова // Авангард. – 2019. – № 3-4 – С. 8). Аббревиатура *ФМРус* состоит из инициалов с буквенным произношением (*ФМ*) и слога (*Рус*).

Стоит отметить, что в число инициальных аббревиатур входят исконно русские и заимствованные сокращения, а комбинированные аббревиатуры представлены только исконно русскими.

В объявлениях газеты «Авангард» встречаются графические сокращения. Они используются значительно реже, чем лексические аббревиатуры, а в некоторых выпусках совсем не употребляются. Например: *Сдаю дом семейной паре без вредных привычек, недалеко от ж/д вокзала. Обр. по тел.* (Объявления. / М. А. Орлова // Авангард. – 2016. – № 101 – С. 4); *Куплю две кровати и стол б/у.* (Объявления. / М. А. Орлова // Авангард. – 2016. – № 111 – С. 4); *Свои письма с пометкой «На конкурс» вы можете принести в редакцию по адресу г. Новоаннинский, пер. К. Либкнехта, 5«а».* («Авангардовцы». Мой самый лучший новый год. / М. А. Орлова // Авангард. – 2017. – № 145 – С. 2). Данные аббревиатуры служат исключительно для экономии речевых средств, а также экономии места, которое занимает то или иное объявление.

Существуют общепринятые аббревиатуры, которые известны большому количеству населения, вне зависимости от их сферы деятельности, социального положения и возраста. Такие аббревиатуры, как МЧС, МВД, ГИБДД, ПДД, ДТП, Госдума, соцсеть, СМС, ООН, НАТО используются в газете без расшифровки. В то время как, например, аббревиатура АЧС используется в тексте с расшифровкой: *Африканская чума свиней (АЧС) по-прежнему остается большой проблемой для Волгоградского региона.* (Александр Кудряшов. Свиноводство – на современный уровень. / М. А. Орлова // Авангард. – 2018. – № 77 – С. 4).

К аббревиатурам, относительно редко употребляющимся и недостаточно хорошо известным большинству носителей русского языка, можно отнести: *ГКУ ИС* – государственное казённое учреждение «инженерная служба»; *ТЭФИ* – Российская национальная телевизионная премия за высшие достижения в области телевизионных искусств; *ДГКБ* – Детская городская клиническая больница; *НП* – некоммерческое партнёрство; *ОАТИ* – объединение административно-технических инспекций города и проч.

Итак, неотъемлемой частью газетных текстов являются новообразования, которые реализуют информационную функцию, а также функцию эмоционального воздействия на

читателя. Из-за социально-политических и экономических преобразований в российском обществе в последние годы появилось много номинаций, которые относятся к различным сферам. Один из наиболее активных и уместных процессов образования новых номинаций в газетном тексте – аббревиация.

Наблюдения над материалом показывают, что процесс пополнения языка аббревиатурными наименованиями протекает интенсивнее процесса отмирания старых названий. Широкому распространению и активному использованию аббревиации как способа словообразования способствуют языковые, социальные, культурно-исторические и коммуникативные факторы социального взаимодействия людей.

Начиная с середины XX века и по сегодняшний день непрерывно возникают всё новые и новые аббревиатуры, которые активно используются в первоисточниках СМИ. Газета «Авангард» яркий тому пример. Эти факты делают вполне реальными наши оптимистические предположения о дальнейшей судьбе русской аббревиации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – 211 с.
2. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. – 328 с.
3. Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 320 с.
4. Бирюкова Е. Функционирование аббревиатур в современной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 20 с.
5. Могилевский Р. И. Очерки аббревиации славянских языков: дис. ... д-ра филол. наук. – Самарканд, 1987. – 548 с.
6. Словарь сокращений русского языка: 12500 сокращений / сост. Д. И. Алексеев и др.; предисл. Д. И. Алексеева. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 486 с.
7. Уханов Г. П. Об отношении сложносокращенных слов к словосочетаниям с той же предметной соотнесенностью // Филологические науки. – 1962. – № 1. – С. 192–199.

ВАЛЯГИНА А. С., ЕРШОВА Н. И.
СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ
В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

Аннотация. В статье представлена семантическая классификация фразеологизмов с компонентами-прилагательными в русских говорах Мордовии. По степени семантической неразделенности определены и охарактеризованы их отдельные типы. Выявлена общая специфика рассматриваемых наименований на диалектном материале в сопоставлении с литературным языком.

Ключевые слова: говоры, семантическая классификация, диалектные фразеологизмы, значение, компонент-прилагательное.

VALYAGINA A. S., ERSHOVA N. I.
SEMANTIC CLASSIFICATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH ADJECTIVE COMPONENT IN RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA

Abstract. The article presents the semantic classification of phraseological units with adjective components in the Russian dialects of Mordovia. The authors define their types by the degree of semantic inseparability. The specifics of the dialect phraseological units in comparison with the literary Russian language is revealed.

Keywords: dialects, semantic classification, dialect phraseological units, meaning, adjective component.

Фразеологизмы возникают в различных языках на основе таких образных представлений действительности, которые отражают повседневный опыт носителей языка, их культурные традиции и ментальные установки, так как «субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [7, с. 13].

Формирование фразеологического значения представляет собой динамический процесс. Данный процесс может не осознаваться субъектом говорения, а может проходить сознательно. Основные динамические изменения происходят в индивидуальном значении фразеологической единицы. Главным источником наполнения фразеологизма семантикой является мыслящий человек, который активно работает над обогащениями понятий. В отличие от лексем фраземы обладают более сложным, обобщенным и отвлеченным значением. Но главная роль при формировании общего фразеологической семантики принадлежит особому компоненту, который входит в структуру фразеологизма. Одним из таких компонентов является прилагательное.

Становясь компонентом фразеологической единицы, прилагательные испытывают семантические изменения на уровне категориального, субкатегориального и индивидуального значения [5, с. 13]. Они утрачивают связь с лексико-семантической или предметно-тематической группой, в которую входило какое-либо прилагательное, употребляясь отдельно.

В русских говорах Мордовия функционируют как общенародные фразеологические единицы типа *белая ворона*, *шарашкина контора*, так и территориально ограниченные в своем употреблении вроде *от красного лица*, *до мокрой спины* и т.п. В настоящей статье исследуются именно диалектные фразеологические единицы с компонентами-прилагательными, бытующие в русских говорах Мордовии [6].

По степени семантической неразделённости диалектные фразеологизмы русских говоров Мордовии с компонентами-прилагательными можно разделить на три отдельные группы (типа) фразем, соответствующие классификации В. В. Виноградова [3].

Во-первых, это фразеологические сращения, т.е. идиомы абсолютно неразложимые и немотивированные отдельными компонентами. Таковыми являются фраземы: *как муравая кочка* «отсутствие порядка», напр.: Я к ей пришла, а она больнь зхвораль, дети грязны бегють, а в дому-ть *как муравая кочкь*. Тонькь хлышишьт везде, хть бы домь убралас, сроду у ей *как муравая кочка* (Говорово, Старошайговский район); *самоварная заглушка* «о некрасивом человеке небольшого роста», напр.: Уйди уш, нь каво пахожь, *сьмоварнь заглушкь* (Кергуды, Ичалковский район).; *на косую колодку* «о привередливом человеке», напр.: Ана у миня *нь касу калотку*, то ей мылач-ка, то яичкт (Аксел, Темниковский район). Как он с ней жить-ть будит, ана *нь касу калотку*, в жызни он ей ни угадит (Еремеево, Лямбирский район). Характерным признаком таких фразеологических сращений является их непроницаемость.

Во-вторых, фразеологические единства, которые в отличие от фразеологических сращений мотивированы значением входящих в них компонентов и представляют собой метафорическое переосмысление свободных сочетаний: *труп ходячий* «о худом человеке», напр.: Ты пылиди нь каво пахош, *труп хадячий*. У Мининых Слафка ис тюрьмы пришол, вылитый *труп хадячий* (Силино, Ардатовский район); *моль кафтанная* «о некрасивом, невзрачном человеке», напр.: Што ты ходиш за мной? Ты и нь чилавект-ть ни пахош. Так сибе, *моль кафтаннь* (Карпеловка, Торбеевский район); *вылететь жигулёвской тройкой* «стремительно выбежать», напр.: Жыману щас пь голяшкам, *жыгулефский тройкый вылитии* (Мичурино, Чамзинский район). Как видим, особой частотностью в рассматриваемых говорах отличаются фразеологизмы, представляющие разноаспектную характеристику человека, что характерно и для диалектных лексем [4].

В-третьих, фразеологические сочетания, где обязательно присутствует один компонент со связанным значением, другой компонент при этом – со свободным. В отличие от сращений и единств, фразеологические сочетания разложимы, а компоненты реализуют свое прямое значение: *в сильных годах* «в расцвете лет», напр.: *Ф то время-ть я ф сильных гадах* была, работала много и ни уставала (Нагаево, Инсарский район). *Ф сильных гадах* мужык мой помир (Ямщина, Инсарский район); *нагольный (наголовный) озорник* «о том, кто склонен к озорству, хулиганству», напр.: Мужык у ей – *нагольный азарник*, фсю адёжу изрезыл. Нагольный азарник растёт, только и знат драць са Фсеми (Лаврентьево, Темниковский район). *Азарник он нагльвный*: гулят-гулят нидели две, дь ищё дирёць. Нос апять ей разбил. Што ты рьбитёнкьм ни даёш праходу-ть? *Азарник ты нагльвный* (Кайбичево, Краснослободский район); *лисичкин хлеб* – хлеб, принесённый назад домой, напр.: Внучинькь, на-кь *лисичкин хлеб* (Атемар, Лямбирский район). *Лисин хлел* зьфсигда скусный (Павловка, Лямбирский район).

При последующем расширении границ понимания фразеологического состава языка эти три типа фразем стали называться ядром фразеологии. Н. М. Шанский добавил к этой классификации четвертую группу – фразеологические выражения, в которую вошли устойчивые семантически членимые обороты, состоящие только из слов со свободным значением, т.е. пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения. Такие в диалектных фразеологизмах с компонентами-прилагательными тоже наблюдаются, но составляют самую малочисленную группу.

К ним относятся: *большой, да без гармон* «о рослом, но не умном человеке», напр.: *Паринь-ть энтыт большой, дь што в нем толку. Большой, дь биз гармон* (Камаево, Ичалковский район); Чяво привязалси к сестре, *большой, дь биз гармон*, ни събражаш, што чилавек бальной (Пурдошки, Темниковский район); *на кудыкину гору воробьёв сишибать* «неизвестно куда, неизвестно зачем», напр.: Вот нькудыкый мне ищё, *нь кудыкину гору иду, вырабьеф шишибать* (Селищи, Краснослободский район); *на глиняном заводе черепушки лить* «умирать, готовиться к смерти», напр.: Пушай мьладыи живут, а нам пара *нь глиняным заводи чиряпушки лить* (Ямщина, Инсарский район); *и в пир, и в мир, и в добры люди* «носить одну и ту же одежду постоянно», напр.: Быль у миня адно платье, вот я в нем и в пир, и в мир, и в добры люди (Старая Федоровка, Старошайговский район).

В разговорной речи, в том числе и диалектной, фразеологические единицы обычно носят эмоционально-оценочный характер. Этот факт обуславливается потребностью носителей языка в экспрессивных средствах выражения.

Семантико-синтаксическая классификация фразеологических единиц основывается на механизмах фразеологизации сочетаний и анализе их прототипов. С этих позиций фраземы

подразделяются на: 1) фраземы, реализующие метонимическую модель образования; 2) фраземы, реализующие метафорическую модель образования; 3) фраземы, реализующие компаративную модель образования; 4) фраземы, реализующие модель фразеологических антитез; 5) фраземы, образованные на основе оксюморона; 6) фраземы, реализующие тавтологическую модель образования; 7) фраземы, реализующие плеонастическую модель образования; 8) фраземы, реализующие гиперболические модели образования [1, с. 153–191].

В диалектной фразеологии единичными примерами представлены фраземы, реализующие метонимическую модель образования (*чалая губа* «о появлении гнойных ранок на губах»; *наблатыканный язык* «кто-либо умеет свободно, гладко говорить»; *прибежать к холодным ногам* «прийти слишком поздно, после чьей-то смерти»), фраземы, образованные на основе оксюморона (*живая смерть* «об очень бледном, измождённом человеке»), фраземы, реализующие плеонастическую модель образования (*святой боже* «хороший человек»), а также фраземы, образованные на основе тавтологических оборотов (*лето летнинское (летинское)* «всё лето»).

Не характерны для фразеологических единиц с компонентами-прилагательными, функционирующих в русских говорах Мордовии, единицы, реализующие модель фразеологических антитез. В то же время фраземы, реализующие гиперболические модели образования, встречаются, хоть и нечасто (*претёмный лодырь* «о ленивом человеке»; *колесного скрипу бояться* «быть трусливым»; *вылететь жигулёвской тройкой* «стремительно выбежать»).

Наиболее продуктивными для диалектной фразеологии, включающей в себя компонент-прилагательное, оказались фраземы, реализующие метафорическую модель образования (*ненапористая утроба* «о жадном на еду, ненасытном человеке»; *до упадного листа* «до глубокой осени»; *с первого звонка* «со времени основания»; *на широку ногу шагать* «жить богато, как следует»; *не понимать святой воды* «не ценить»; *лезть на телеграфный столб* «показывать своё превосходство»; *найти добрую землю, напасть на добрую землю* «напиться до сильного опьянения»; *наводить слепых на брёвна* «обманывать»; *смертной чашей пить* «постоянно пьянствовать»; *чудить белым светом* «совершать неблагоприятные поступки»; *есть бешеные опёнки* «быть в постоянной тревоге, волнении»; *гора валит крутая* «о чём-либо трудном, тяжёлом, что предстоит сделать, пережить»; *хлебать большой ложкой* «терпеть лишения, невзгоды»).

Наравне с фраземами, реализующими метафорическую модель образования, широко представлены в рассматриваемых говорах фраземы, включающие в себя компаративные обороты (*словно лихой взглянул* «у кого-либо начались беды, несчастья»; *как ватрыга обрывистая* «о полной, неуклюжей женщине»; *как курица общипанная* «с растрёпанным

волосами»; *как овца кручёная (шутоломная)* «словно обезумев, ошалев бегать»; *как круговая овца ходить* «ходить взад вперёд»; *как горячий камень* «трудно, тяжело делать что-либо»; *как в бездонный ящик кинуть* «истратить, тратить впустую, безрассудно»; *как за городской стеной* «жить под надёжной защитой»; *как куля рогожная, как мазан грязный, как мокрая курица* «о неопрятном, неряшливом человеке»; *гнутья как сдобный пряник* «жеманиться, заставляя себя упрашивать»; *как милый свет стать* «измениться в лучшую сторону»; *как бык мирской, как косяиный* «крепкий, выносливый, сильный»).

Существует еще ряд классификаций фразеологических единиц, в основу которых положен тот же принцип. И. Е. Аничков предложил разграничивать три типа сочетаний: 1) сочетания, состоящие из одного полнозначного и одного неполнозначного компонентов; 2) сочетания, состоящие из двух полнозначных компонентов; 3) сочетания трех и более полнозначных компонентов [2, с. 105].

Во фразеологии русских говоров Мордовии, включающей в себя компонент-прилагательное, можно выделить и эти типы фразем. К первой группе относятся фраземы со служебными словами, например, *как налитой (налитенький)* «полный, упитанный»; *до останного* «до конца»; *на прямых* «кратчайшим путём»; *до больного* «до тла» и т.п. Напр.: Чай, он был плохущый, на чэм токь штаны держались, а шчас стал здоровый, *как нылитой*. Ф садики-ти их кормют чотыри разь в день, мальчышкь-ть вон там *как налитинький* (Суподеевка, Ардатовский район). Филиньвнь, ты некак *дь останнывь* там была, чово ишшо там слыхать? Загониш их домой, *дь останнывь* прьторчат (Говорово, Старошайговский район). *Нь примых-ть* километрф семь будит (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

Вторая группа по этой системе дифференцирования будет самой частотной. Сюда можно отнести фразеологизмы: *беззубая кандала* «о беззубом человеке»; *живая смерть* «о бледном человеке»; *выдра кошина* «о тощей женщине»; *стадная пора* «время возвращения с пастбища»; *ночным бытом* «ночью, ночами»; *скорым бытом* «вскоре»; *след великий* «очень нужно»; *бабушкина пропажа* «неожиданно нашлось что-либо»; *небылые слова* «ложь, клевета»; *драная грамота* «скандалы, распри, ссоры»; *ума ряхнутый* «сумасшедший»; *пропитая невеста* «просватанная девушка» и т.д. Напр.: Надюрка у нас *буззубь кандала*, у ней двух зубоф нет (Суподеевка, Ардатовский район); Как Иван-ть аплашал, *прянь живая смерть* (Летки, Старошайговский район); Ты *выдрь кашынья*, ни еш што ль ничяво. Пыглиди, нь каво пахожь (Лаврентьево, Темниковский район); Она *дь стадной поры* в лёсу была (Суподеевка, Ардатовский район); Дочькь-ть *вить начьным бытм* ни пайдёт в Ыгнатьвь, проважать ходим (Манаково, Большеигнатовский район). *Начьным бытм* зажгут Якьфщину дь убягут (Яковщина, Рузаевский район); Только Павль

скранила, *скорым бытым* ы жана пмярла (Болотниково, Лямбирский район); *След великъ* хлебъ щяс привести (Сивинь, Краснослободский район); Када птыряш чяво, а пасля найдёш, скажыш: «Нашлась *бабушкина прапажа*». У нас и Люськъ вон чистенькъ ищит чяво-нибудь, найдёт и гъварит: «Ну, нашлась *бабушкина прапажа*». Олъ, *бабушкина прапажа* нашлась. - Чяво? - Клубок-ть фчярась день весь искали, а он у миня ф кармани был (Кайбичево, Краснослободский район); У миня спицы куда-ть зыпрыпались. Ниделю цалу искаль, с нок збильсь, патом фспомнилъ, штъ Маньки их летъм пвязать даваль. Вот те и *бабушкина прапажа* (Усыскино, Инсарский район); Ни слышьль бы *ни-былыя слава* (Гуляево, Ичалковский район); Када в доми *дрань грамть*, кака этъ жызнъ (Жуково, Торбеевский район); Пашла у них *дрань грамть* (Хил, Тор); Есть у нас старухъ адна *ума ряхнутья* (Русские Полянки, Краснослободский район); Прасватыют иё, нивесту, ана уш тады и *пръпитой нивестъй* шшытацъ (Новые Русские Пошаты, Ельниковский район).

К сочетаниям трех и более однозначных компонентов И. Е. Аничков относит фразеологические выражения. О них мы говорили выше, рассматривая фразеологические единицы в контексте классификации В. В. Виноградова. Однако формальный числовой показатель компонентного состава представляется не совсем целесообразным применительно к фразеологическим единицам, так как противоречит принципу целостности фраземы.

Как видим, диалектные фраземы, имеющие в своей структуре компонент-прилагательное, образуют достаточно четко очерчиваемую группу слов, внутри которой языковые единицы связаны разными системными отношениями. Структурно-семантический анализ показал, что данные фразеологические единицы подразделяются по степени семантической неразделенности на типы, которые довольно разнообразны. Рассмотренные фраземы отличаются яркой экспрессивностью, оценочностью и имеют особую сферу употребления – они используются только в разговорной речи диалектоносителей. Следовательно, функционирование рассматриваемых единиц с компонентом-прилагательным помогает более глубоко раскрыть менталитет деревенских жителей, образ их мыслей, нравов и норм сельской жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 342 с.
2. Аничков И. Е. Труды по языкознанию / сост. и отв. ред. В. П. Недялков; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Наука, 1997. – 509 с.

3. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. – 190 с.
4. Ершова Н. И., Морозова Г. В. Типы эмоционально окрашенных наименований лиц женского пола в русских говорах Мордовии [Электронный ресурс] // Огарёв-online. – 2017. – № 4. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/typy-emocionalno-okrashennykh-naimenovanij-lic-zhenskogo-pola-v-russkix-govorax-mordovii> (дата обращения: 01.05.2021).
5. Логинова О. В. Функции компонентов прилагательных в составе фразеологизмов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2003. – 28 с.
6. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1. С. 1-672. – Ч. 2. С. 673-1560.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

ЗАНГАНЕХ ФЕРЕШТЕХ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ БЫСТРОТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируются фразеологические единицы, выражающие значение быстроты реализации действия в современном русском языке. В частности, выявляются особенности их семантики и структуры, определяется их компонентный состав и лингвокультурные особенности. Фразеологические единицы, служащие для передачи характера протекания действия во времени, находятся на периферии функционально-семантического поля аспектуальности.

Ключевые слова: современный русский язык, функционально-семантическое поле, фразеологическая единица, аспектуальность, семантика, действие, быстрота.

ZANGANEH FERESHTEN

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANING OF SPEED OF ACTION IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article analyzes the phraseological units that express the meaning of the speed of action in the modern Russian language. The author reveals the features of their semantics and structure, determines their composition and linguacultural features. Phraseological units that serve to convey the course of action in time are on the periphery of the functional-semantic field of aspectuality.

Keywords: modern Russian language, functional-semantic field, phraseological unit, aspectuality, semantics, action, speed.

В современном русском языке функционируют различные языковые единицы, характеризующие особенности протекания и распределения действия во времени: длительность, повторяемость, завершенность, интенсивность и др. Изучение разноуровневых средств, которые употребляются для передачи специфики реализации действия, осуществляется в рамках функциональной грамматики, предусматривающей полевой подход к анализу языковых единиц в конкретных условиях употребления. Выделяются такие функционально-семантические поля, как аспектуальность, модальность, темпоральность, персональность и др. По мнению А. В. Бондарко, «аспектуальность – это функционально-семантическое поле, конституируемое взаимодействующим языковыми средствами (морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексико-грамматическими, лексическими и их разнообразными сочетаниями в контексте), объединенными общностью

семантических функций, принадлежащих к области аспектуальных отношений, содержание которых заключается в передаче характера протекания действия во времени» [3, с. 229].

Ядром функционально-семантического поля аспектуальности при таком подходе вступает грамматическая категория вида глагола, выражающая типовые характеристики действия (предельность / непредельность, результативность / направленность на достижение результата) противопоставлением совершенного вида и несовершенного вида. Кроме того, характер протекания действия может быть передан при помощи способов глагольного действия, специальных показателей малого контекста и др. [12, с. 42]. Особенности реализации действия, протекания во времени изучались учеными на материале глагольной лексики и других языковых средств современного русского языка (см., напр. [1]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [11]; [13]; [14] и др.). Контекстуальное окружение при этом позволяет уточнять характер протекания глагольного действия: фазовость, одиночность или кратность, интенсивность, длительность, многоактность и т.п. Особый интерес в этом отношении представляют фразеологические единицы, способные передавать различные особенности глагольного действия.

Цель данной работы – выявить и представить структурно-семантический анализ фразеологических единиц, выражающих в современном русском языке значение быстроты реализации действия. Известны научные работы, посвященные разноаспектному исследованию фразеологических единиц с темпоральной семантикой на материале русского и других языков (см. [2]; [15] и др.). Как отмечает Г. Ю. Богданович при проведении сопоставительного исследования, «положительную оценку в современном русском и украинском языке имеют фразеологические единицы, которые характеризуют высокую скорость как неотъемлемую часть успеха в каком-либо деле, когда каждая минута на счету» [15].

Большую группу составляют компаративные фразеосочетания. Так, на основе сравнения со стремительно происходящими явлениями природы образуются фразеологические единицы *мчатся как ураган*, *мчатся как метеор* – ‘очень быстро’, *с быстротой молнии* – ‘очень быстро, мгновенно’. Подобные устойчивые сочетания могут использоваться для передачи быстрого физического действия человека, а также большой скорости мыслительного процесса. Ср.: *В отверстии мелькнуло на мгновение что-то красно-синее, и в тот же миг с быстротой молнии рука Павлика выхватила из мешка великолепного морского ежа с розовыми кончиками игл* (Г. Адамов, Тайна двух океанов). – *«Может, Николай Иванович всё-таки жив, не расстрелян», – с быстротой молнии пронеслась мысль и так же мгновенно потухла* (А. Ларина, Незабываемое). Фразеологическая единица *как (словно, точно) ветром сдуло* имеет более ограниченное

употребление и служит для обозначения быстрого, внезапного исчезновения кого-, чего-либо: *Но его молоденькую слушательницу уже как ветром сдуло с места, хотя старушка всё так же продолжала сидеть и кивать* (Ю. Васильева, Урожай собрать не просто).

Быстроту реализации какого-либо процесса могут подчеркивать фразеологические единицы, основывающиеся на сравнении со стремительными действиями представителей животного мира (*как на крыльях* в 1 знач. – ‘передвигаться очень быстро, стремительно (идти, бежать)’) или человека (*как угорелый* – ‘поспешно и беспорядочно (делая что-либо, бегать, носиться, метаться и т.п.)’), растений (*как грибы после дождя* (расти, появляться) – ‘быстро, в большом количестве’) или предметов (*как стрела, как пуля, как на дрожжах* (расти, подниматься) – ‘очень быстро’, *на всех парах* во 2 знач. – ‘быстро, стремительно’). Например: *Казалось, что люди не работают, а суеются, мечутся как угорелые* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). *Но тогда было такое время, что революционеры размножались с быстротой грибов после летнего дождя...* (В. Зензинов, Пережитое). [Настя] тут все решила, все точки над «и» поставила и пошла *на всех парах* в открытую (Николаева, Повесть о директоре МТС и главном агрономе). *Серебристо-серое тело расплывалось в длинных прыжках, летело как стрела, легко, стремительно, словно и не чувствовал зверь тяжести седока* (Д. Удовиченко, Реквием по империи). *Аксютка – так звали девочку – всегда летала как пуля, и при этом руки ее не сгибались, а качались как маятники, по мере быстроты ее движения, не вдоль боков, а перед корпусом; щеки ее всегда были краснее ее розового платья; язык ее шевелился всегда так же быстро, как и ноги...* (Л.Н. Толстой, Поликушка). *Всего за пару последующих лет позитивная психология поднялась как на дрожжах, и ныне книги этого направления исчисляются десятками, если не сотнями* (М. Селигман, Как научиться оптимизму).

Устойчивое сочетание *на всех парусах* используется для обозначения очень быстрого движения, перемещения предмета в пространстве. При этом фиксируется различное употребление: может сохраняться прямое значение всех исходных компонентов для указания на движение парусного судна, а также реализовываться целостное значение фразеологической единицы для указания на действия человека. Ср.: *По синим волнам океана, лишь звезды блеснут в небесах, корабль одинокий несется, несется на всех парусах* (М.Ю. Лермонтов, Воздушный корабль). – *Главное то, что у меня объявился свой капитал, а потому и пустился я жить в свое удовольствие, со всем юным стремлением, без удержу, поплыл на всех парусах* (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы).

Фразеологическая единица *как (точно, словно) на пожар* (бежать) – (разг.) – ‘очень быстро, торопливо’ основана на соотнесении с экстремальным событием, которое требует

молниеносной реакции человека: *Порша поднял такой гвалт, что народ сбежался с берегу, как на пожар* (Д.Н. Мамин-Сибиряк, Бойцы).

Отдельную группу составляют фразеологические единицы, включающие в свой состав компоненты с темпоральным значением: *сей же час, сию минуту, сию секунду, в минуту, в один миг, в мгновение ока* (произойти) – ‘сразу же, моментально’ и др. Лексемы *минута, секунда, час* обозначают непродолжительные временные отрезки и в составе фразеосочетаний служат для выражения быстроты реализации действия.

Быстроту реализации действия передают фразеологические единицы, связанные с обозначением какого-либо движения, перемещения в пространстве или реализации некоего процесса: *одна нога здесь, другая там* – (разг.) – ‘очень быстро (сходить, сбегать куда-нибудь, сделать что-либо)’ – обычно при требовании, приказании, *только пятки сверкают (засверкали)* – ‘о быстром беге’, *в темпе* – (разг.) – ‘быстро, энергично’, *семимильными шагами* (идти, двигаться, развиваться) – (перен.) – ‘очень быстро’. Например: *Он велел двум молодым сотрудникам своего отдела немедленно спуститься на седьмой этаж в секретариат Громыко: «Быстро! Одна нога здесь – другая там. Министр ждёт»* (О. Гриневский, Тысяча и один день Никиты Сергеевича). *Денис, у меня есть 20 минут, поэтому давай в темпе пробежимся по последним обновлениям* (Д. Фурсенко, Управляю проектом как Бог). *Ясно, что теперь, когда военная техника идёт вперёд семимильными шагами, эти принципы претерпевают существенные изменения* (А.И. Еременко, Сталинград). Зафиксирована фразеологическая единица *промедление смерти подобно* – ‘медлить нельзя, недопустимо’, которая указывает на необходимость быстрого осуществления какого-либо действия.

Фразеологические единицы могут указывать на проявление способностей или особенностей человека сверх нормы. Так, мыслительные способности человека характеризует глагольное фразеосочетание *схватывать на лету* – ‘быстро, мгновенно понимать, усваивать’, например: *У меня были превосходные способности, и – я схватывал предметы на лету, в классе, на переменах* (В.Г. Короленко, История моего современника). Фразеологическая единица *не по дням, а по часам* указывает на физические особенности: очень быстро, скоро расти, например: *И растёт ребенок там не по дням, а по часам* (А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане). В то же время можно отметить употребление этого фразеосочетания для обозначения других явлений и процессов, не связанных с характеристикой человека: *Печать должна расти не по дням, а по часам, – это самое острое и самое сильное оружие нашей партии* (И.В. Сталин).

Очень быстрое перемещение в пространстве может ассоциативно соотноситься с действием, выполняемым на пределе человеческих сил и возможностей. Фразеологические

единицы этого типа широко распространены в современном русском языке, при этом они могут включать в свой состав:

1) компоненты **дух, прыть, мах, опор**, как правило, в сочетании со стандартизированными элементами **во всю... / во весь..., что есть...** и др.: **что есть духу** – (разг.) – ‘очень быстро, изо всех сил’, **во весь дух** – (разг.) – ‘стремительно, с напряжением всех сил’, **во всю прыть** – ‘изо всех сил, с максимальной быстротой’, **откуда прыть взялась** – ‘о стремительном движении, о неожиданном проявлении энергии’, **во весь опор** (мчаться, нестись, скакать и т. п.) – ‘очень быстро, стремительно’, **во весь мах** – ‘быстро, галопом’. Например: *Заслышав шум в птичнике, он схватил черёмуховую палку и побежал что есть духу* (В.П. Астафьев, Дядя Кузя – куриный начальник). *Я терпеть не люблю капусты, запах которой валит из всех мелочных лавок в Мещанской; к тому же из-под ворот каждого дома несет такой ад, что я, заткнув нос, бежал во всю прыть* (Н.В. Гоголь, Записки сумасшедшего). *Бывало, он делал всё не спеша, мешкотно, а теперь откуда прыть взялась* (С.Т. Семенов, В благодатный год). *[Партизаны] во весь опор помчались к лесу* (А.А. Фадеев, Разгром). *[Лошадь] взвилась на дыбы и во весь мах поскакала вдоль табуна* (А.Н. Толстой, Детство Никиты).

2) компоненты-соматизмы **ноги, пятки, лопатки, голова, язык, глаза**: **со всех ног** – (разг.) – ‘очень поспешно, быстро’, **не слыша ног** – (бежать, мчаться и т. п.) – ‘быстро, не замечая усталости’, **только пятки засверкали** – ‘о быстром беге’, **сломя голову** – (разг.) – ‘очень быстро, поспешно, опрометью (при глаголах, означающих быстрое движение, бег)’, **во все лопатки** – (бежать, гнать и т. п.) – ‘очень быстро, изо всех сил’, **высунув язык** (бежать) – (прост.) – ‘стремительно, очень быстро’, **не успеть (и) глазом моргнуть** – ‘о каком-либо событии, действии, быстро, мгновенно совершающемся’. Например: *Словно кипятком ошпаренный, я бежал, не слыша ног* (Н.А. Некрасов. Филантроп). *В это время слышу: потихоньку кресло отодвигают – я как дам стрекача, только пятки засверкали!* (М.Е. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина). *Знаешь ли ты, зачем я прискакал сюда, сломя голову, вчера поутру?* (И.С. Тургенев. Где тонко, там и рвется). *Дядя Петр тоже хватил во все лопатки, не бежал, а летел* (В.П. Астафьев, О чем ты плачешь, ель?). *Не успел мальчик и глазом моргнуть, как отец подхватил его сзади за локти, и он, срываясь, вскарабкался по звенящей алюминиевой лесенке в кабину самолета* (В. П. Катаев, За власть Советов);

3) предлог **без** в сочетании с существительным в родительном падеже: **без оглядки** (бежать, убегать) – ‘как можно скорее, не мешкая, изо всех сил’, **без памяти** (нестись, бежать, лететь) – ‘стремительно, молниеносно’ и др. Например: *Долго еще бежал он без*

оглядки между казацким табором и потом далеко по всему чистому полю (Н.В. Гоголь, Тарас Бульба).

Таким образом, рассматриваемые фразеологические единицы в современном русском языке представляют разнообразную с точки зрения структуры и семантики группу. Находясь на периферии функционально-семантического поля аспектуальности, они как контекстуальное средство служат для передачи быстроты реализации действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А. А. Видовременные значения междометных глаголов, выступающих в функции сказуемого // Учен. зап. Ульянов. пед. ин-та. — Т. XXI. Русский язык в школе и вузе. — Вып. 3. — Ульяновск, 1968. — С. 58–80.
2. Богданович Г. Ю. Национально-культурная специфика образа времени в русском и украинском языковом сознании [Электронный ресурс] // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. — 2021. — № 08 (76). — Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-obraza-vremeni-v-russkom-i-ukrainskom-yazykovom-soznanii.html> (дата обращения: 01.03.2023).
3. Бондарко А. В. Принципы сопоставительного исследования аспектуальных отношений // Acta Linguistica Academiae. — 1979. — Т. 29 (3-4). — С. 229–247.
4. Бондарко А. В. Аспекты анализа глагольных категорий в системе функциональной грамматики // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сб. материалов конференции. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 22–26.
5. Вольская Л. А. Выражение темпоральной отнесенности действия в высказываниях с формами сослагательного и повелительного наклонений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1982. — 20 с.
6. Всеволодова М. В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова (Закон семантического согласования, валентность, глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 1997. — Т. 1. — С. 19–36.
7. Гловинская М. И. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. — М.: Наука, 1989. — С. 74–146.

8. Мочалова Т. И. Глагольно-междометные формы: учебно-методическое пособие. – Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2006. – 80 с.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996. – 464 с.
10. Прокопович Е. Н. Глагол в предложении: семантика и стилистика видовременных форм. – М.: Наука, 1982. – 286 с.
11. Смирнов И. Н. Конкретность/обобщенность ситуации в семантике аспектуально-темпоральных категорий (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2011. – 42 с.
12. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – 348 с.
13. Хвостунова Т. И. Функционирование глагольно-междометных форм в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2000. – 18 с.
14. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.
15. Эркинбек Кызы Н., Садыков А. Н. Фразеологизмы со значением «короткий промежуток времени» (миг, секунда, минута) в киргизском и русском языках // Вопросы устойчивого развития общества. – Бишкек: Изд-во Бишкек. ун-та, 2021. – № 5. – С. 597–607.

ЕРШОВА Н. И., ЯКОМАСКИНА А. О.

**ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ МАСС-МЕДИЙНОГО ТЕКСТА**

Аннотация. В статье охарактеризованы лексико-стилистические особенности региональных масс-медийных текстов на примере электронного новостного общественно-политического издания «Столица С». Показана роль фразеологизмов, слов разговорного, просторечного и книжного стилей, отдельных тропов в организации текстов разной тематической направленности.

Ключевые слова: интернет-дискурс, электронное издание, лексико-стилистические особенности, оценочность, эмотив.

ERSHOVA N. I., YAKOMASKINA A. O.

LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF RUSSIAN MEDIA TEXTS

Abstract. The article studies the lexico-stylistic features of regional Russian media texts using the example of the electronic newspaper "Stolica S". The role of phraseological units, colloquial and bookish words, particular tropes in the organization of texts of different thematic scope is shown.

Keywords: Internet discourse, electronic media, lexico-stylistic features, evaluation, emotive.

Большим тематическим охватом, и простотой доступа к информации, и возможностью высказать свою точку зрения по тому или иному вопросу, связаться с редакцией «Столица С» подтверждает мнение как о самом демократичном и оперативно реагирующем на события издании Республики Мордовия. «Интернет-СМИ на современном этапе выработали свою стратегию успеха, ключом к которой является максимальная оперативность и огромный массив данных» [2].

Подчеркнутая демократичность электронного новостного издания «Столица С» проявляется прежде всего в лексико-стилистическом своеобразии представленных на сайте материалов. Стилиевая пестрота, которая вносится большим количеством сотрудничающих с ним журналистов, приводит к совмещению в рамках одного издания совершенно различных и даже противоположных функционально-стилистических стихий, а отсутствие профессионального мастерства у некоторых авторов – к недопустимым отступлениям от канонов публицистики как в сторону «бульварщины», так и в настолько же неоправданную сторону научности изложения, весьма затрудняющей чтение и понимание текста [1]. При этом выбор стиля определяется главным образом темой материала. Если речь идет о

происшествиях или каких-то проблемах, связанных с различными сферами жизни общества, кроме религии, то преобладает условно «низкий стиль», наоборот, в материалах, посвященных религии, можно встретить не просто хороший добротный литературный язык, но целые фрагменты, написанные в научном стиле, причем первые, безусловно, превалируют, что вполне отвечает общему пристрастию данного издания к криминальным сводкам и происшествиям, в рассказе о которых часто присутствует ирония и даже прямая насмешка, причем «насмехаются» журналисты «Столицы С», например, над теми же вопросами религии, о которых в другом материале говорилось с научной напыщенностью и серьезностью. Сравним весьма показательные фрагменты статей, размещенных на сайте издания:

На достройку стадиона «Крестовский» в Санкт-Петербурге в следующем году выделят еще более 1,5 миллиарда рублей. За чиновниками и строителями будет наблюдать икона Божией Матери «Державная». Народный поэт Петенька Рукастый теперь спокоен («СтиШОК: С Божьей помощью», 28.12.2016). И далее приводится текст стихотворения, в котором имеются следующие строки: *Власть земная справиться не может, / Прокуроры сами все в пуху, / Погляди, Владычица, построже, / Обрати стяжательство в труху!*; *«На одну «Державную» надежда, / Путин уже выбился из сил, / На «Крестовском» жуликов корежит – / Варсонофий стройку оросил.* Безусловно, в таком построении материала можно усмотреть прежде всего критику на деятельность чиновников, которых автор приведенного в заметке стихотворения называет *лихоимцами с загребущими ручонками, выпученными завидующими глазами, с крадеными бочонками* и т. д. Однако информация, приведенная в заметке, также касается и иконы Божией Матери «Державная», издавна почитаемой на Руси, которая, как надеются люди, отвечающие за эту стройку и принимающие в ней непосредственное участие, поможет им в этом нелегком деле. Ироничный тон, комикование здесь представляются неуместными, неоправданными.

Перейдем к рассмотрению и другого примера из рубрики «Религия», посвященного самой старинной саранской христианской реликвии – Иконе Владимирской Божией Матери, хранящейся в Иоанно-Богословском храме города Саранска. Материал представлен на сайте под названием *«Тайна сохраняется до сих пор!»* (20.11.2016). Автор использует в заголовке лексему *тайна*, призванную заинтриговать читателя; форма восклицательного предложения усиливает ощущение неизвестности и как бы побуждает раскрыть эту тайну, обращаясь к материалу статьи, коммуникативная цель которой – рассказать читателю о тайнах, связанных с этой иконой, ее возникновением и подлинностью, которая якобы установлена в ходе соответствующих экспертиз, но до сих пор оспаривается храмом Пензенской епархии, где хранится список с данного образа. Автор старается осветить многие вопросы, связанные с

этим образом, поэтому материал весьма объемён, но для удобства разделён на несколько частей с подзаголовками «Оригинал и копия», «История святыни». Если первая часть написана весьма доступным для широкой аудитории языком (представляя по сути текст интервью с научным сотрудником отдела средневековой и дореволюционной истории Республиканского краеведческого музея Дмитрием Фроловым, речь которого насыщена подчеркнута книжной лексикой (*доподлинно известно, упомянута, святыня, упразднена, стилистика письма* и др.), профессиональной лексикой, относящейся к иконописи (*темпера*), старославянизмами (например, *ковчег, убрус*), устаревшей лексикой (*аршин, вершок*), цитируемой в том числе по более ранним документам), то вторая, рассказывающая об истории иконы, тяготеет к научному стилю. В нее включен большой фрагмент из книги Л. Успенского «Богословие иконы Православной Церкви» (*«В настоящее время в Русской Церкви насчитывается около десяти икон, приписываемых евангелисту Луке... Конечно, все эти иконы приписываются евангелисту не в том смысле, что они писаны его рукой; ни одна из написанных им самим икон до нас не дошла»*). Далее об истории Владимирской иконы повествуется в таком же ключе – «сухо» перечисляются даты и события, приуроченные к ним, связанные со святыней (*«На Русь икону доставили из Византии примерно в 1131 году в качестве подарка святому князю Мстиславу от Патриарха Константинопольского Луки Хрисоверга. Сначала она находилась в женском Богородичном монастыре Вышгорода, недалеко от Киева. В 1155 году князь Андрей Боголюбский перенес образ во Владимир, и с тех пор он получил современное наименование. В 1237 году город взяли татары. Успенский собор был разграблен, но святыня уцелела»*). И, что важно подчеркнуть, речь здесь идет уже не о Саранском списке, а об истории Владимирской иконе вообще, но понять из материала статьи это невозможно. Несмотря на то, что текст «перенасыщен» фактологической информацией, связанной с изучением иконы, анализом экспертизы, содержанием существующего спора и т. д., у читателя неизбежно возникнет «путаница». Не рассказывает автор статьи ни историй о чудесах, связанных с этой святыней. Почему, наконец, ее так почитали в Саранске, откуда такой богатый оклад, также особо не поясняется.

Безусловно, такое изложение широкой аудиторией воспринимается весьма проблематично, хотя речь идет о важном и интересном для горожан феномене, тем более что Саранск «не избалован» старинными реликвиями и тем более святынями. Не случайно, статья практически не прокомментирована никем из пользователей; прочитавших и оценивших ее также немного. Статья эта читается и воспринимается, к сожалению, очень трудно и представляет собой по сути перечень фактов из истории иконы и выдержки из соответствующих научных изданий и документов. Такие характерные для публицистического стиля и уместные здесь оценочные выражения, как *непростая судьба*,

один из чудотворных образов, известных за всю историю Саранска, и т. д. буквально «тонут» в научной и фактологической информации, которой изобилует рассмотренный и проанализированный нами с лексико-стилистической точки зрения материал. Ситуацию усугубляет и практическое отсутствие изобразительно-выразительных средств языка – неотъемлемой черты публицистического изложения как основы реализации его воздействующей функции. При отсутствии экспрессии доминирование остается за стандартными, шаблонными выражениями, которые, наряду с фактологической избыточностью, усиливают «сухость» материала в целом.

Данные замечания справедливы и по отношению к другим материалам из рубрики «Религия». Видимо, это и есть идеальный публицистический стиль, в понимании журналистов «Столица С». Однако книжность в большинстве из статей и заметок данной тематической направленности все же сохраняется. Неоправданный стилистический контраст там, где речь идет о «высоком», встречается в материалах «Столицы С» очень часто; наоборот, там, где изобразительно-выразительные средства, сохраняющие литературный характер и по возможности стилистически «высокую» маркированность, необходимы, они отсутствуют, уступая место ненужной фактологической избыточности.

Редким исключением является материал *«Отец Тихон (Федяшкин) – об особенностях веры «за решеткой» и спасении заблудших душ»* (22.11.2016), в котором речь автора «перебивается» фрагментами из интервью со священником, причем речь обоих информативно насыщена, но не избыточна, содержит целый комплекс изобразительно-выразительных средств, усиливающих ее выразительность, и, следовательно, интерес к ней со стороны читателя на протяжении всего знакомства со статьей. Рассказывая о служении иеромонаха в Дубравлаге, автор (журналист Екатерина Смирнова) прибегает к использованию:

– библейских цитат (стилистически уместных и помогающих раскрыть суть рассматриваемого вопроса): ***«На небесах более радости об одном кающемся грешнике, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»***, – это библейское изречение известно каждому православному верующему...; далее автор приводит высказывание священника, служению которого посвящена статья, в качестве пояснения библейского высказывания применительно к современной реальности: *«Многие считают, что попавшие «за решетку» люди безнадежны. Это большое заблуждение. Или другой пример подобного характера: Как сказал Господь: «В мире идет война за души человеческие, а поле брани на ней – сердца человеческие»*, встречающийся в конце статьи и поясняющий основные выводы, к которым приходит священник, рассказывая о своем служении;

– слов с противоположными значениями, участвующих в построении целых фрагментов повествования (*разрешать – запрещено; безобидное – первый шаг на пути к преступлению, близкий – незнакомец; за решеткой – на воле и т. д.*), и слов со значениями, передающими различную степень проявления признака (*мелочь – побольше – тяжелые последствия; сложно – еще трудней; плохое – измениться в лучшую сторону и т. д.*): Многие считают, что попавшие «за решетку» люди безнадежны. Это большое заблуждение. Взять любого осужденного. Кто-то из них в детстве мечтал стать вторым Юрием Гагариным. Но что-то сбилось с истинного пути. И ведь это случилось не в один день или миг. А в тот момент, когда он начал *разрешать себе то, что запрещено*. Нужно ограждать себя от тех вещей, *которые на первый взгляд кажутся безобидными*; Открыть свою душу *сложно даже близкому человеку, а незнакомцу еще трудней*; Во время этой службы человек словно стоит под ярким светом, который помогает увидеть в себе все **плохое** и *измениться в лучшую сторону...*;

– метафор: Его освобождение становится **пробным камнем** того, насколько глубоко он покался; **Обманный блеск мнимого легкого богатства, наркотический дурман, гнев и тщеславие...**; Такие поступки остаются в виде **шрамов на сердце**, которые осужденный пронесет через всю жизнь;

– фразеологизмов: Кто-то из них в детстве мечтал стать вторым Юрием Гагариным. Но что-то *сбилось с истинного пути*. И ведь это случилось *не в один день или миг*.

Как видим, в целом, даже в выборе средств языковой выразительности, автор придерживается книжного стиля, необходимого в разговоре о священнике. Общую стилевую тональность «поддерживают» старославянизмы и слова, относящиеся к сфере церковной жизни: Отец Тихон признается, что его любимое **священнодействие – литургия**; Если священник не любит свою **паству**, то лучше ему поменять **приход** или не приходить совсем...; Со временем по силе веры они не уступают обычным **мирянам**... и т. д.

«Подкупает» читателя и «тезисный» характер изложения: автор старается подчеркнуть наиболее интересные мысли священника, их глубокий смысл, понимание которого важно и полезно каждому человеку: *Такие поступки остаются в виде шрамов на сердце, которые осужденный пронесет через всю жизнь. Но он может на личном примере предупредить другого: «Посмотри на меня! Не повторяй моих ошибок!»; Я не спрашиваю, кто и за что отбывает наказание. Моя задача – сделать так, чтобы люди осознали содеянное и больше сюда не возвращались...; Я бы сказал, что не колония делает человека злодеем, а он сам... Ведь, прежде чем ты оступился в своих поступках, ты оступился*

внутри себя; Однажды меня спросили: «Трудно ли быть священником?» – «Нет, – ответил я. – Трудно быть человеком!» и т. д.

С помощью выше указанных лексико-стилистических средств автор добивается предельно содержательного, интересного и одновременно экспрессивного изложения, удерживающего внимание читателя на протяжении всего знакомства со статьей, гармоничность и стилистическое единство которой не нарушают небольшие «вставки» сведений из биографии священника, которые «рассказаны» (а не приведены «документальным» языком) просто и понятно.

Перейдем к рассмотрению лексико-стилистического своеобразия материалов, посвященных другим, менее «высоким» темам, которые представлены, например, в рубрике *«Происшествия»*. Рассказывая о событиях, которые случаются с жителями республики Мордовия, к сожалению, журналисты «Столицы С» никак не могут обойтись средствами исключительно «литературного» характера, активно используя разговорную и просторечную лексику вкупе с ироничным и сатирическим модусом повествования, в результате чего формируется постоянно «насмехающийся» взгляд корреспондентов издания над «нелепостями» нашей жизни и «людьми глубинки», которые почему-то совершенно не вызывают подобных эмоций.

Обратимся с целью анализа к материалу *«Житель Мордовии забил до смерти 80-летнюю бабушку за отказ дать 100 рублей на выпивку!»* (30.12.2016). Речь в нем идет о крайне чудовищном и бесчеловечном преступлении, безнравственный характер которого усиливается к тому за счет понимания, что столь жестокое действие человек совершил по отношению к своему родному, близкому человеку. Тем более непонятен общий приподнятый тон повествования, о чем свидетельствует восклицательная форма названия заметки, а также предложения, вынесенного в подзаголовок: *Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть носит вовсе не естественный, а насильственный характер!* Фамильярный тон автора замечен и в выборе таких определений по отношению к потерпевшей, как *пенсионерка, бабушка* и т. д.; общий стилистический тон заметки «задает» просторечное слово *выпивка*, вынесенное в название.

Все эти закономерности прослеживаются и в другом материале от 30.12.2016 г. – *«В Саранске двоюродным братьям дали 8,5 лет «строгача» за жестокое избиение «подозреваемого» в краже картошки!»*. *Картошка, строгач* также способствуют резкому «снижению» стиля повествования, что является неотъемлемой чертой материалов «Столицы С», рассказывающих о различных происшествиях в республике Мордовия и в городе Саранск. При этом автор пытается максимально усилить выразительность заметки, используя перифразы – «эффектные», с его точки зрения, выражения, также имеющие

подчеркнуто юмористическую и ироническую окраску: *На этом **кровожадные братья** не остановились. Они продолжили избивание хозяина, нанося удары ногами по лицу и по груди.* Помимо выражения *кровожадные братья*, автор прибегает к использованию и других слов и выражений по отношению к жестоким преступникам: *«Ты не видел, кто бы мог украсть нашу картошку?» – примерно так поинтересовались **визитеры**. «Нет, не знаю!» – удивленно пожал плечами хозяин. И в этот самый момент **гости** увидели, что в углу комнаты рассыпан картофель – примерно около ведра. «Вот она, улика!» – решили **«пинкертон»**, **люто** разозлившись.*

По отношению к судьям автор неоднократно использует перифразу *служители Фемиды*, повтор которой лишает ее привлекательности и заметно снижает выразительный эффект в целом: *С другой стороны, **служители Фемиды** взяли-таки во внимание, что потерпевший просил братьев строго не наказывать... В итоге **служители Фемиды** пришли к выводу, что исправление двоюродных братьев невозможно без изоляции от общества.*

Общий сатирический и иронический характер изложения «поддерживают» и образное выражение (построенное на метонимическом переносе) ***замелькали кулаки с ногами***, и фразеологизм ***пожал плечами*** и т. д. Учитывая общий приподнятый пафос повествования, о чем свидетельствует обилие восклицательных конструкций в небольшой по объему заметке, ее автора весьма забавляет такое чудовищное преступление из-за бытовой мелочи. Свое мастерство юмориста автор заметки демонстрирует и в заключительном предложении, резюмируя свой рассказ выводом о том, что *В итоге в ближайшие годы они [преступники] будут кушать картофель, а также макароны и крупы за счет государства...*

Подчеркнем, что, как видно из проанализированных выше материалов, данная коммуникативная цель реализуется за счет комплекса специальных лексических средств в материалах практически любой тематической направленности: все, о чем бы ни шла речь, вызывает у журналистов язвительный смех, сатиру и иронию (см. об этом на другом материале в [3, с. 1582–1587]).

Итак, в результате анализа лексико-стилистических особенностей языковой организации текста в электронном информационно-новостном издании «Столица С», нам удалось выявить, во-первых, отсутствие стилевого единообразия издания, на основе чего формируется его речевой портрет, собственный стиль, «узнаваемый» читателями и являющийся его «визитной карточкой»: как правило, стилистические и стилевые предпочтения авторов информационных заметок и статей – наиболее востребованных здесь жанров – варьируются в зависимости от их тематики: например, если в материалах о религии существенно доминирует книжная лексика, то в материалах социальной, политической тематики, а также в заметках о происшествиях часто встречается лексика разговорного и

просторечного характера, хотя возможны и отступления от этого «правила», различные стилистические несообразности, которые особенно явственно ощущаются в статьях, затрагивающих вопросы религии; во-вторых, общую ироническую и сатирическую направленность издания, негативную оценочность и юмор, которые в большинстве случаев ничем не оправданы (например, в статьях о религии или заметках, описывающих серьезные происшествия с проявлением жестокости, бесчеловечности, но почему-то вызывающие смех у журналиста). Именно общий иронический и сатирический тон изложения в статьях и заметках «Столицы С» выступает основным способом выражения оценочности при редком использовании других специализированных средств языка, в том числе эмотивов. В-третьих, нами отмечены частые нарушения общих принципов публицистики, что проявляется в фактологической избыточности, использовании больших фрагментов из книг научной направленности, не обработанных под запросы широкой аудитории интервью с учеными и т. д., тогда как лексические средства языковой выразительности встречаются нечасто и весьма неразнообразны (как правило, это метафоры, слова с противоположным значением, участвующие в создании антитезы, фразеологизмы, перифразы, реже – метонимии, эмотивы). В итоге это ведет к «сухости» изложения, нарушению равновесия стандарта и экспрессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова К. М. Специфика региональной Интернет-журналистики на примере сетевых изданий Республики Мордовия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mic.org.ru/1-vypusk/444-spetsifika-regionalnoj-internet-zhurnalistiki-na-primere-setevykh-izdaniy-respubliki-mordoviya> (дата обращения 05.04.2023).
2. Белоус А. Ю. Современная Интернет-журналистика в системе массовых коммуникаций [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2013. – № 9. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/sovremennaya-internet-zhurnalistika-v-sisteme-massovykh-kommunikacij> (дата обращения 05.04.2023).
3. Сафина А. Р. Особенности языка российских Интернет-СМИ. Феномен гипертекста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 2-6. – Т. 14. – С. 1582–1587.

АКИМОВА Т. И., ИБРАГИМ КАРВАН ХАДЖИ ИБРАГИМ
МИР ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. БРЮСОВА

Аннотация. В статье рассматривается проблема обращения Брюсова к теме Востока в своей поэзии. Анализируя три тома лирики из собрания сочинений, авторы статьи приходят к выводу о двух подходах поэта в изображении мира Востока: как важной составляющей части мировой культуры, освоением которой должен заниматься поэт-символист, и как пространства для эксперимента в области формы, прежде всего стиховой.

Ключевые слова: культура Востока, русско-арабские связи, творчество Брюсова, образ восточного героя-вождя, имитация арабо-персидского стихосложения, переплетение эротических и религиозных мотивов.

AKIMOVA T. I., IBRAHIM KARVAN HAJI IBRAHIM
THE WORLD OF THE EAST IN THE POETRY OF V. BRYUSOV

Abstract. The article addresses the issue of Bryusov's appeal to the topic of the East in his poetry. Analyzing three volumes of verses in the collected works, the authors come to the conclusion about two approaches of the poet to the image of the world of the East: as an important component of the part of world culture, the development of which should be engaged in the poet-symbolist, and as a space for experiment in the field of form, primarily verse.

Keywords: culture of East, Russian-Arab relations, Bryusov's poetry, image of eastern hero-leader, imitation of Arabic-Persian verse, interweaving of erotic and religious motifs.

На рубеже XIX – XX вв. в российском обществе наблюдается возрастание интереса к восточной культуре, в том числе арабской. С одной стороны, это было вызвано продолжением общественной полемики по решению вопроса о национальном самосознании, кто мы: Запад или Восток, – которая продолжалась теперь в направлении осмысления места и роли России в мировом пространстве. С другой стороны, российские художники и поэты подключались к европейской практике обращения к восточной образности и ориенталистике в целом в поиске обновления художественных средств выразительности. На это указывали и С.Л. Каганович [10], и П.И. Тартаковский [11]. Следует отметить, что тема «Восток в творчестве Брюсова» [8] уже становилась предметом изучения, однако исследование было направлено в основном в сторону рассмотрения переводов Брюсовым армянских поэтов, полагаем, что внутри данной темы можно выделить целый комплекс проблем, которые требуют детального анализа.

В первую очередь увлечение Брюсова темой Востока было предопределено двумя обстоятельствами: западной ориенталистикой, представленной в творчестве французских поэтов-модернистов, и пушкинской традицией обращения к чужой культуре, вызванного его

просветительскими установками. По выражению С. С. Аверинцева, в этом проявлялась «возможность любования чужой верой, выразившаяся хотя бы в тех вариациях на тему католического восторга перед Девой Марией, какие мы встречаем у протестанта Гёте — в финале “Фауста”, а у православного Пушкина — в балладе о Бедном Рыцаре» [1].

Увлечение другими культурами и мистикой в целом у В. Брюсова возникло от французских поэтов-символистов, через чтение и переводы которых определился его путь в собственную модернистскую поэтику. Значительным фактом, указывающим на понимание читателями-современниками Брюсова литературных аллюзий в его поэзии, является оценка М. Горького книги «Tertia Vigilia» (1898-1901), в которой называется источник, вдохновивший поэта: «Он воспеваёт Гекату и Изиду, посвящает стихи Александру Великому, Кассандре, воспеваёт Клеопатру, Орфея и многих других покойников, в одном стихотворении разбудил Рамзеса, и во всех стихотворениях этого цикла напоминает почему-то о благополучно здравствующем французском академике – поэте Хозе Мариа Эредиа» [2, с. 153]. Действительно, Горький точно указал на поэтический сборник Эредиа, в котором идея выстраивания стихотворений по хронологии развития человеческой цивилизации уже была продемонстрирована. И именно в третьей книге стихов Брюсова восточные мотивы зазвучат в стихотворениях «Ассаргадон», «Халдейский пастух», «Рамсес», «Жрец Изиды», «Моисей», «Александр Великий».

Этот сборник стихов создавался уже после окончания Брюсовым Московского университета, в котором с особым вниманием Валерий Яковлевич уделял именно истории культуры. Как вспоминал впоследствии поэт: «более или менее «специально» я занимался в университете первыми веками Римской истории, Салической правдой, русскими начальными летописями, эпохой царя Алексея Михайловича, Великой французской революцией» [2, с. 133]. Судя по признанию Брюсова, находящегося в поездке по Крыму, поэта в историческом срезе интересовал один вопрос: что может сделать личность, вступая в борьбу со временем, под названием жизнь: «Надо мной прошлое имеет странную власть. Время, возможность времени для меня ужасна и невероятна. Знать, что и сейчас мгновения падают, падают, и я, побеждая их разумом, не побеждаю волей, и ухожу, ухожу... Вот где истинное иди Вечного Жида. Все мы – проклятые Агасферы Времени» [2, с. 141]. В этом высказывании поэта запечатлены не только внутренние искания творческой личности, внезапно осознавшей свою конечность, то есть смертность, здесь открывается замысел исторической концепции Брюсова, находящей отражение прежде всего в его поэзии. Идея вечного скитания во времени, присущая исключительно поэту, сопряжённая с всеохватностью поэтического сознания, вела Брюсова к глубокому изучению разных культур, но, в первую очередь, древних, которые открывались поэтическому взору исключительно эстетически – через образы, ставшими

мифами, то есть прошедшими через многочисленное наслоение одного поэтического сознания на другое.

Следует подчеркнуть, что обращение автора «*Tertia Vigilia*» к изображению рядов древних культур воспринималось критиками серебряного века в духе ницшеанской философии – как возвеличивание образа лирического героя, как торжество творческого духа, сумевшего мыслью объять ход исторических событий и возвыситься над ними, благодаря поэтическому дару: «Древняя Греция, таинственный Восток, суровый скандинавский Север, даже загадочная глубь доисторической жизни – одинаково привлекают к себе его внимание. Но что хочет поэт сказать образами давно минувшего? Если мы присмотримся к образам, на которых останавливается поэт, то увидим, что все эти образы являются воплощением, олицетворением силы, будь это стихийная сила жизни, как в диких скифах, в которых поэт, вопреки науке, признаёт своих отдалённых предков, либо могущество ничем не ограниченной власти, как у Ассаргадона и Александра Македонского, или же наконец непобедимая сила воли, стремление к подвигу, как у могучих скандинавских викингов. Упоение силы, могущества, гордости, вот чего ищет поэт в дали минувшего, от отчего преклоняется с благоговением перед величественными образами царей и героев» [2, с. 154]. Именно в контексте поиска выдающихся личностей, «вождей» происходит встраивание Брюсовым культуры Востока в единую линию развития человеческой цивилизации. Его интересовали не экзотический пейзаж или артефакт из мира Востока, поэт искал, выражаясь словами Л. Н. Гумилёва, пассионариев, тех, кто преодолел своё время и встал как будто над ним.

В то же время установку автора «*Tertia Vigilia*» на осмысление истории прошлых веков через поиск красоты в древних культурах и образах отмечал и другой критик: «Есть прекрасные стихотворения, но в другом роде, стихотворения, так сказать, навеянные или внушённые отчасти музой Бальмонта, отчасти Верлена, Верхарна, отчасти познаниями автора в халдейской, ассирийской и египетской премудрости и старине» [2, с. 156]. Примечательно, что здесь утверждается, что поэту необходимо иметь теоретические знания в тех сферах, которые он изображает, поэтому объяснять брюсовское увлечение Востоком только данью моде или следованию той традиции, которая закладывалась Бальмонтом, было бы неправильно. Мир Востока привлекал поэта своей мощью, силой, умением оставаться неизменным на протяжении многих веков и тем самым преодолевать время. Всё это становилось особенно актуально в связи с событиями в России в начале XX века.

Брюсов воспитывал в себе умение смотреть на современность из глубины веков, только так осмысливался исторический путь России, и в этом отношении проблема Запад-Восток обретала уже не теоретический, а личный, индивидуальный характер. Так, в одном из писем 1905 года Брюсов писал П. П. Перцову: «Я вижу новые эры в истории. Не говорю уже

о воочию начавшейся борьбе против Европы, против двухтысячной гегемонии европейской культуры. Но что ждёт нас, если Россия сдвинется со своих вековых монархически-косных устоев? Что, если её обуяет дух демократического безумия, как Афины времён Пелопонесской войны?» [2, с. 228]. В этой фразе отражается многое из брюсовских дум как о будущем России, так и об эпохальном выборе страны, и если проблема Восток-Запад решается писателем сквозь призму исторических параллелей противоборства Греции с Персией, то личный выбор поэта оказывается на стороне империи, которая вобрала в себя азиатскую культуру.

В связи с этим Брюсов обращается в следующей своей книге стихов – *Urbi et Orbi* (1901-1903) – непосредственно к азиатскому миру в стихотворении «В Дамаск». По поводу него критик Ю.А. Веселовский писал: «В таких стихотворениях, как «В Дамаск», «Пытка», мы находим то причудливое соединение эротической поэзии с отголосками религиозного культа, верований и обрядов, которое можно отметить» и у некоторых западноевропейских поэтов новейшего времени, вроде, например, Верлена и отчасти Оффенбаха» [2, с. 194]. Мир Востока как переплетение чувственности и телесности с высокой набожностью и ревнивым служением религиозному культу предстаёт здесь альтернативой западной цивилизации. Путь в Дамаск как эпохальное решение судьбы России ознаменовывается в этом стихотворении поворотом к Востоку. Об этом свидетельствуют финальные строчки стихотворения:

«Вот он, от века назначенный, / Наш путь в Дамаск!» [3].

Помимо восточных мотивов и образов, интересующих поэта с точки зрения расширения содержательного строя поэзии, Брюсов обращается к литературе Востока в поиске технических средств художественной выразительности. В книге стихов «Все напевы» находим стихотворение «Встреча» (1907), в котором автор представляет имитацию египетской поэзии, сопрягая её с темой «прапамяти» как воспоминания о своём «прежнем существовании» в Древнем Египте и употребляя для этого сверхдлинные размеры с цезурами [7, с. 113]:

*Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изиды, друг, царица и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера* [3].

Попытка соединения найденных художественных приёмов с концепцией отражения в поэзии цивилизационного развития человечества, представленного через временные срезы культур разных народов, реализуется Брюсовым в «Снах человечества» (1911-1917), в которых, по мнению М.Л. Гаспарова, поэт имитирует арабо-персидское стихосложение в четверостишии «на тему из Хайама» [7, с. 210]. В этом же сборнике Брюсов обращается и к имитации чисто арабской поэзии, опираясь на касыды Набиги (Зияд-ибн-Муавия Набига аз-Зубьяни ок. 533 - ок. 604) в прозаическом переводе Г. Овсенко под редакцией А. Крымского.

*Катамия! оставь притворство, довольно хитростей и ссор,
Мы расстаемся, — и надолго, — с прощаньем руки я простер.
Когда бы завтра, при отъезде, ты распахнула свой шатер,
Хоть на мгновенье мог бы видеть я без фаты твой черный взор,
И на груди твоей камня, как ярко-пламенный костер,
И на твоей газельей шее жемчужно-яхонтный убор,
На шее той, — как у газели, когда она, покинув бор,
Наедине с самцом осталась в ущельях непроходных гор
И шею клонит, объедая из ягод пурпурный узор
На изумрудно-нежных ветках, топча травы живой ковер,
Мешая соки со слюною в один пленительный раствор,
В вино, какого люди в мире еще не пили до сих пор! [4]*

Так, в стихотворении 1912 года Брюсов соединяет стилистику сказок «Тысячи и одной ночи» [6, с. 213] с сюжетом касиды Нагиби, при этом стараясь сопрячь воедино западную традицию восприятия Востока с российской установкой на фактографию. Типичное изображение женщины Востока как тела, убранного украшениями из самоцветов и жемчуга, а также сравнение женского образа с газелью — всё это свидетельствовало о продолжении сложившейся на Западе традиции изображения Востока, однако стиховые эксперименты Брюсова подчёркивали устанавливаемую им традицию на особую поэтическую стилизацию, в которой новаторство автора проявлялось бы именно в технической стороне стиха, в том, что должно было открываться слуху, а не глазу, и что вполне отвечало символистским установкам.

Безусловно, сам Брюсов осмысливает себя представителем культуры Запада, но восточные мотивы явственно сказываются в его произведениях на западные сюжеты и реализуются в тяготении поэта к мистике, которая ярче всего проявилась в изучении литературы XVI века, и к эротике, которая выразится со всей полнотой в годы первой мировой войны и предреволюционные годы в книге «Эротопегнии» 1917. «Стихи Овидия, Петрония, Сенеки, Приапеевы, Марциала, Пентадия, Авсония, Клавдиана, Луксория в переводе размерами подлинника». Эротические мотивы, представленные в творчестве любимых Брюсовым античных авторов, будут востребованы в связи с усиливающимся ощущением приближения Востока.

Необходимо заметить, что писатели серебряного века активно путешествовали по станам арабского мира. По свидетельству приближённого к поэту круга собеседников, он также надеялся осуществить эту затею: «Перед войной Брюсов задумал совершить поездку в Тимгад, мёртвый город в Африке, почти что в Сахаре. Валерий Яковлевич хотел найти в нём следы Атлантиды. Война помешала осуществить это путешествие» (с. 426-427). В другом

мемуарном свидетельстве уточняется причина желания писателя попасть именно туда: «Заветной мечтой Брюсова было посетить Африку, район Тимбукту. Селение Тимгит (Сахара, Судан, верхнее течение реки Нигер). По мнению Валерия Яковлевича, здесь были расположены колонии Атлантиды и была надежда найти какие-то следы поселений и остатков культуры атлантов» [2, с. 427]. Из этого уточнения становится ясна идея Брюсова увидеть в Африке прообраз некогда единого культурного пространства – симбиоза восточно-европейской культуры. По этой причине поэт обращается к мифу об Атлантиде, пытаясь перевести его на язык научной гипотезы, как отмечали впоследствии исследователи этого феномена возрождения якобы некогда существующего материка: «Историки колеблются, и не один Брюсов, а и другие сторонники «моногогенезиса культуры» ищут себе опоры в «праисторической культуре» Атлантиды» [2].

Таким образом, именно образ мифической Атлантиды вобрал в себя все утопические представления о единой западно-восточной культуре, конструированию которой, исходя из исследовательских объяснений, посвятил себя Брюсов накануне революций 1917 года: «В статьях Брюсова мы не найдём, конечно, разрешения этих сомнений. Он даёт зато превосходное резюме открытий и изысканий по части древнеегипетской, вавилонской и, что особенно ценно, эгейской или крито-микенской культуры, выведенной на свет трудами ряда археологов от Шлимана до Эванса. Он уделяет особое внимание так называемому Кносскому «Лабиринту» на Крите и его хозяевам; указывает границы древней «минойской» культуры и позднейшей микенской; рассказывает историю и развития и падения, смутно воспоминаемого в греческих эпических сказаниях фиванского и троянского циклов» [2, с. 493]. Культурологические штудии Брюсова отразились в его книге «Опыты», в которой он открыто признаётся в совершённом им открытии вследствие изучения древних восточных и западных литератур: «Поэзия античности, европейского средневековья, Ближнего Востока, Дальнего Востока, новых литератур, даже народная поэзия полукультурных племен, – представляют множество образцов разного рода технических приёмов, способствующих основной цели: победить слово» [2, с. 510].

Ещё один ориентир В. Брюсова в обращении к теме Востока – это Пушкин. В 1917 году Брюсов задумывает мистификацию – дописать пушкинскую поэму «Египетские ночи» [5]. В «Предисловии» поэт серебряного века сообщал: «Сохранилось несколько черновых, подготовительных набросков и довольно большой отрывок, включённый в повесть, написанную прозой. Воссоздать по этим данным, что представляло бы целое, – и было задачей моей работы, которую можно назвать «дерзновенной». Но ни в коем случае, думаю я, не «кощунственной, ибо исполнена она с подлинной любовью к великому поэту»» [2, с. 480-481]. Как видно из этого брюсовского объяснения, идея конструирования разных культур в единое

целое, заявленное в мифе об Атлантиде, воплощается им в эксперименте, предполагающем единое сопряжение культур золотого и серебряного веков. С одной стороны, решалась проблема незавершённости пушкинского фрагмента и его явленности читателю в законченном виде, с другой стороны, Брюсов, как многие поэты серебряного века, воплощал романтическую идею вызова Богам, к коим, несомненно к началу XX века, был причислен Пушкин.

Насколько эта идея была конструктивна, можно было предположить уже тогда, но, наверное, Брюсову важен был сам факт прикосновения к пушкинскому тексту как свидетельство писательской возможности. О том, как именно Брюсов дописывал «Египетские ночи» Пушкина, изучил В. М. Жирмунский: «Словарь Пушкина, идеализированный сообразно поставленной художественной задаче, но всегда абсолютно точный и строгий в смысле выбора и сочетании слов, всегда предполагающий индивидуальную, неповторимую синтетическую связь между эпитетом и предметом, он подчинил своеобразным особенностям своего поэтического стиля, повторяя те же слова, но в сочетаниях, делающих их смутными, обобщёнными и логически невыразительными. Пользуясь словами, до крайности напряжёнными и яркими, соединяя их элементарными контрастами одинаково резких противоположностей, нагромождая лирические повторения отдельных звуков или слов или целых стихов, он создал произведение типично романтического стиля, глубоко чуждое пушкинской поэзии» [9, с. 483]. Вердикт учёного-филолога был предопределён: повторить пушкинский гений невозможно, но тем не менее интересен выбор Брюсовым самого материала для эксперимента: текст, навеянный восточными мотивами и образами.

После революции поэт вновь обращается к найденному ещё в раннем творчестве приёму – изображении рефлексии современности через исторические картины прошлых культур. Поэтому, когда появился в печати сборник «Миг» 1922 года, критические отзывы были соответствующе ироничными: «И было в лето от Р.Х. тысяча девятьсот двадцать второе, а от начала Коммуны пятое, и увидела свет книга по названию «Миг»... а стихов – по названию их – числом тридцать, а имен богов и богинь, египетских, греческих, римских, христианских – Изида, Киприда, Афродита, Христос, Савааф и проч. – всего числом с десятков; и царей, и цариц – Клеопатры, Соломона, царицы Савской и прочих – числом не менее; и мужей и жён прославленных из всех народов и веков – множество; и столько же было наименований рек, стран, городов, царств, государств» [2, с. 575]. Безусловно, для развития брюсовского таланта повторение ранее использованных в творчестве приёмов было решением непродуктивным, однако брошенный М. Горьким клич в сторону писателей-модернистов с призывом возродить в литературе просветительские тенденции и заняться окультуриванием только что научившихся читать и писать пролетариев находил результативный ответ в этом

сборнике поэта. В конце концов так реализовывалась воспитательная функция, заявленная Просвещением, которое хорошо укладывалось в культурологическую доктрину Брюсова.

Таким образом, изображение Брюсовым мира Востока складывается из двух составляющих: во-первых, культурологической доктрины, в которой арабскому Востоку наряду с другими цивилизационными этапами развития человечества отводится важная культурная роль создателя разных лирических форм, не доступных западной литературной практике, а также образов сильных и ярких героев-«вождей»; во-вторых, из творческих экспериментов поэта-символиста с литературной формой, которые будут осуществляться прежде всего в опытах со звуковой тканью стихотворения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Гёте и Пушкин [Электронный ресурс] // Новый мир – 1999 – № 6. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/6/gyote-i-pushkin.html?ysclid=lf44gdxglf600974301 (дата обращения: 18.03.2023).
2. Ашукин Н. С., Щербаков Р. Л. Брюсов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 689 с.
3. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892-1909. – М.: Художественная литература, 1973. – 670 с.
4. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. – Т. 2. Стихотворения 1909-1917. – М.: Художественная литература, 1973. – 494 с.
5. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. – Т. 3. Стихотворения 1918-1924 гг. – М.: Художественная литература, 1973. – 694 с.
6. Вацуро В. Три Клеопатры // *Dissertationes Slavicae*: Hist. Litt. XXI. – Szeged, 1995 – С. 207–217.
7. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – М.: Фортуна Лимитед, 2001. – 288 с.
8. Григорян В. С. Восток в творчестве В. Я. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1982. – 13 с.
9. Жирмунский В. М. Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования. – Петербург: Эльзевир, 1922. – 104 с.
10. Каганович С. Л. «Восточный романтизм» и русская романтическая поэзия // *Контекст*-1982. – М.: Наука, 1983. – С. 192–243.
11. Тартаковский П. И. Русские поэты и Восток: Бунин. Хлебников. Есенин: статьи. – Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1986. – 252 с.

НОВИКОВА В. А., ТРОСТИНА М. А.

«ВАШЕЙ МАМЕ ЗЯТЬ НЕ НУЖЕН?»: ПРИГОВОРКИ-«ПОДКАТЫ»

КАК ВИД МОЛОДЕЖНОГО СМЕХОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. В статье рассматриваются русские приговорки-«подкаты» как вид молодежного смехового фольклора. Описывается жанровая природа приговорок, выявляются их структурные типы, смысловое наполнение, функции. Прослеживается эволюция паремийного жанра в условиях современного общества.

Ключевые слова: приговорки-«подкаты», «подкаты», молодежный фольклор, смеховой фольклор, паремийный жанр.

NOVIKOVA V. A., TROSTINA M. A.

"DOES YOUR MOM NEED A SON-IN-LAW?": PICK-UP LINES AND SAYINGS

AS PART OF YOUTH HUMOROUS FOLKLORE

Abstract. The article deals with Russian pick-up lines and sayings as a type of youth humorous folklore. The genre nature of the sayings is described; their structural types, semantic content, functions are revealed. The evolution of the paroemia genre in the conditions of modern society is traced.

Keywords: pick-up lines, pick-up sayings, youth folklore, humorous folklore, paroemic genre.

Молодежный смеховой фольклор – явление не новое, но малоизученное. На протяжении многих веков он был самым тесным образом связан с традиционной народной культурой. В последней трети XIX века в связи начавшимся процессом миграции сельского населения в город, вызванным освобождением крестьян от крепостной зависимости, начинается постепенное и закономерное расслоение фольклора по возрастному, социальному, профессиональному признакам. К началу XX века научное признание получил детский фольклор, о молодежном заговорили в период хрущевской «оттепели», ознаменовавшей начало «демассификации» советской тоталитарной культуры, ярким проявлением которой стало возникновение различных молодежных сообществ со своими эстетическими и этическими установками, нашедшими отражение в устном творчестве.

В работах отечественных ученых последних десятилетий были рассмотрены разные аспекты устной молодежной поэзии: отдельные жанры, виды и формы фольклора молодежи [5; 7; 15; 19], фольклор молодежных сообществ [1; 3; 18], жанровая специфика студенческого творчества как одной из составляющих современного городского фольклора [12; 16; 17; 22].

Значимыми исследованиями в сфере устного молодежного творчества стали диссертации представителей смежных гуманитарных наук С. А. Тихомирова «Фольклор современной городской молодежи: аксиологический аспект» [20], в которой прослеживаются ценностно-смысловые доминанты фольклора данной социально-демографической группы, и Е. Э. Гавриляченко «Фольклорные волны в культуре России и "Молодежное фольклорное движение" 1980-2000 гг.», посвященная выявлению способов влияния фольклора на образ жизни участников молодежного фольклорного движения в контексте фольклорных волн в России [8].

Вместе с тем многие явления молодежного фольклора до сих пор остаются вне поля зрения науки. К ним принадлежат и активно продуцирующие в настоящее время афористические жанры, юмористические паремии, выполняющие коммуникативную и развлекательную функции.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые системному анализу подвергается корпус текстов приговорок особой тематической группы, востребованных в молодежной среде. С целью дальнейшей дифференциации видов молодежной смеховой паремии в научный обиход вводится понятие приговорки-«подкаты».

Цель нашей статьи заключается в рассмотрении жанровой природы приговорок-«подкатов», описании их структурных и поэтических особенностей, способов создания комического, определении их функциональной значимости в молодежной среде.

Объект рассмотрения – устойчивые молодежные изречения юмористического характера, нацеленные на завязывание знакомства между представителями разных полов.

Термин «приговорка» в фольклористике обычно связывают с детским фольклором. Так, В. П. Аникин понимает под приговоркой «обращение к мыши, улитке, маленьким жучкам, что водятся на цветах; которые чаще всего произносят по одиночке» [4, с. 568]. Авторы вузовского учебника «Русский фольклор» Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан связывают приговорки с календарной обрядовой поэзией и определяют их как «генетически наиболее древние формы детских словесных игр» [10, с. 342]. А. Ф. Белоусов, В. В. Головин, Е. В. Кулешов и М. Л. Лурье, подразумевая под приговорками «обращения к животным», рассматривают их в составе детского магического фольклора [6, с. 223]. М. А. Тростина выделяет особо застольные приговорки, понимая под ними «устойчивые ритмизованные выражения, исполняемые в процессе организованного застолья и упорядочивающие его» [21, с. 103]. В отличие от прибауток приговорки не вставляются в речь, а выступают ее самостоятельной частью.

Между тем, В. И. Даль характеризует приговорку с позиции ее смыслового значения: «Приговорка – это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое, приговариваемое, без

большого толку и значения, а по местной или личной привычке» [2, с. 427]. Если брать во внимание тот факт, что «подкаты» не рассчитаны на практический результат, часто не имеют особого смысла и исполняются «на всякий случай», то формально и содержательно они близки именного приговоркам.

Нельзя не отметить также сходство молодежных приговорок с разновидностью детского сатирического фольклора – «поддевками» (Г. С. Виноградов). М. Н. Мельников называет поддевками «веселые шутки-балагурки, средство забавы “за счет товарища”, основанное на игре словом и вспомогательным действием» и указывает на их близость словесным играм» [14, с. 88]. Действительно, в ритуале знакомства посредством «подкатов» присутствует элемент игры, точнее «заигрывания». Как правило, юноша «заигрывает» с незнакомой девушкой в присутствии друзей, рассчитывая на их эмоциональное одобрение. Позволить себе шутливую реплику, содержащую намек на вспыхнувшую симпатию, могут в основном представители сильного пола, что обусловлено устойчивыми, но тем не менее претерпевающими изменение гендерными стереотипами, приписывающими право на первый шаг сильной половине человечества.

Несмотря на явную фамильярность приговорок-«подкатов», они имеют давнюю историю. О подобной форме знакомства с А. С. Пушкиным упоминает А. П. Керн – адресат бессмертного шедевра «Я помню чудное мгновенье...». Керн и Пушкин встретились на одном из светских вечеров, устраиваемых в доме президента Академии художеств А. Н. Оленина. Пушкин во время описанного Керн ужина расположился с ее братом позади и старался обратить на себя внимание прелестной девушки «льстивыми возгласами, как, например: "Est-il permis d'etre aussi jolie!" [*Можно ли быть такой хорошенькой! (фр.)*]]» [11, с. 28]. Эта фраза послужила началом к шутливому разговору, в ходе которого поэт продолжал выражать симпатию «хорошенькой женщине».

Стоит отметить, что подобная свобода нравов была свойственна преимущественно дворянской молодежи. Быт и нравы села оставались патриархальными вплоть до начала XX века и были обусловлены многовековой традицией почитания старших, послушания родителям, следования гендерным стереотипам, укоренившимся в крестьянском мире.

Широкое распространение «подкаты» получают в советскую эпоху, когда формируются новые культурно-бытовые традиции, утверждается идея равноправия между полами, складываются новые нормы поведения в обществе. Становится обыденным делом знакомство на остановке, в парке, на вокзале, в общественном транспорте, в кино, во время отдыха на курорте, на городских танцах, дискотеках и т.д. Прямой вопрос девушке: «Можно с Вами познакомиться?» воспринимался вполне естественно и не пугал представительниц

прекрасного пола. Юноши, претендующие на «оригинальность», более смелые и раскованные, прибегают к помощи «подкатов», остающихся актуальными и в современности.

Диалог с объектом вспыхнувшей симпатии начинается с фамильярного обращения «*девушка*», «*красавица*», «*крошка*», «*детка*», «*малышка*» и часто выстраивается в форме вопроса, цель которого – привлечь внимание: «*Вы не меня встречаете?*» Как таковой ответ особой роли не играет. Девушка чаще всего предпочитает промолчать, руководствуясь этикетом. Независимо от того, получен ответ или нет, свою функцию вопрос выполняет: так или иначе вопрос вызывает ответную реакцию в форме ответа, зрительного контакта, жеста, мимики и т.д. Вопросы, адресуемые незнакомке, содержат в себе весьма прозрачный подтекст.

Вопросно-ответная форма «подкатов» является наиболее распространенной, поскольку именно она подталкивает к продолжению общения. Так, «*Вашей маме зять не нужен?*» – располагает к началу коммуникации формой выражения вежливости: во-первых, инициатор знакомства обращается к адресату на Вы, во-вторых, использует слово *мама*, каким именуют родительницу только близкие люди, в-третьих, выстраивает реплику в форме вопроса, а не утверждения, что позволяет нивелировать впечатление о юноше как о невоспитанном человеке, недостойном внимания. Реакцией на такой вопрос неизменно становится смех, способствующий созданию доверительной атмосферы.

Популярны в молодежной среде подкаты, требующие определенного мыслительного процесса, нацеленного на выявление причинно-следственных связей: «*Пойдем в кино на последний ряд?*» В первые секунды девушка-адресат испытывает недоумение по поводу выбора места в зрительном зале, а не потому, что ее пригласил в кино незнакомый человек. Однако большинство девушек быстро находят подвох, поскольку имеют представление о том, что у молодежи последние ряды в кинотеатрах ассоциируются с местом для свиданий и поцелуев. Реакция на такой вопрос индивидуальна и зависит от жизненных целей, характера, статуса и настроения: если парень нравится, то почему бы и не согласиться, ведь приглашение «на последний ряд» – это только повод заинтриговать, привлечь внимание.

Другой тип молодежных приговорок – вопросительные «подкаты», требующие ответа для завязывания диалога. Подкат-приговорка не будет понятен или закончен, если адресат не ответит на вопрос:

– *Как туда попасть?*

– *Куда?*

– *В твои объятия/сердце.*

Подобные подкаты рассчитаны на мгновенную реакцию, вызванную девичьим любопытством. Интрига задается непредсказуемостью ответа, основанного на эффекте неожиданности.

Вопросы могут быть направлены на выяснение социального, культурного статуса родителей адресата. Они выстраиваются по одной структурной схеме и содержат в себе гипотезу: *«Ваши родители случайно не пекари?» «Твоя мама случайно не вселенная?»* Попадание в точку с отгадыванием, как правило, исключается, но свою цель подкат выполняет: на первом этапе он вызывает ответную реакцию и тем самым способствует началу общения, а на втором – приятно удивляет девушку, поскольку завершается финальным риторическим вопросом комплементарного характера: за традиционным ответом «нет» следует *«Тогда откуда у них такая булочка?» «Но тогда откуда у нее такая звездочка?»*

Упоминание в первом вопросе близких родственников девушки демонстрирует серьезность намерений обращающегося к ней молодого человека и вызывает доверие. Эффект неожиданности создается использованием самых непредсказуемых сравнений: *«Твои родители случайно не ракушки? Тогда откуда у них такая жемчужина?»* или *«Твоя мама случайно не ювелир? Тогда откуда у нее такой драгоценный камень?»*

Следующая разновидность – приговорки-«подкаты», которые акцентируют внимание исключительно на адресате и на наличии некоей связи между девушкой и заинтересовавшимся ею юношей. Как в предыдущем случае, вопрос содержит гипотезу и начинаются с фразы *«Ты случайно не...?»* Теперь гипотеза высказывается в адрес девушки и имеет ярко выраженную провокационную направленность, заключенную в неожиданном смысловом разрешении: *«Ты случайно не баскетбольный мяч? Потому что у меня есть подходящее кольцо»*. Смеховой эффект в данном случае основан на полисемии слова «кольцо», используемом в значениях «баскетбольное кольцо» и «обручальное кольцо». Изобразительным средством выступает сравнение (чаще всего отрицательное): происходит уподобление по общим, иногда неочевидным признакам. Объект симпатии может сравниваться как с предметами и явлениями окружающего мира (*Ты случайно не магнит? Тогда почему меня к тебе так тянет; Ты случайно не энергетик? Тогда почему из-за тебя мое сердечко стучится чаще?*), так и с мифологическими, сказочными персонажами, известными артистами, звёздами экрана и т.д. Среди них популярностью пользуется образ ангела, олицетворяющий в молодежной среде идеал неземной красоты, нежности, чистоты, на что указывает Т. Л. Марсадолова: «Образ ангела стал одним из “симулякров” современной культуры, сведенным к паре “крылышек”, а духовная составляющая этого образа в большинстве случаев или вовсе забывается, или отодвигается на задний план» [14].

В «подкатах» образ ангела представляется в своем традиционном виде небесного обитателя, вызывающего восторг и преклонение: *«Если бы Дарвин увидел тебя, то понял бы, что люди произошли от ангелов»; «Можешь прикоснуться ко мне? Хочу говорить друзьям, что дотронулся до ангела».*

Еще один тип «подкатов» – самопрезентативные, то есть такие, в которых ярко выражено намерение юноши произвести впечатление на девушку своими «выдающимися» данными, подаваемыми в наигранно-уничижительной форме. Фраза начинается с утвердительного отрицания, основанного на сравнении говорящего с другим объектом, в котором юноша на первый взгляд явно проигрывает («Я, конечно, не Ален Делон, но...»), однако вторая часть противоречит первой и содержит мысль о наличии у «приставалы» достоинств, призванных покорить сердце девушки и убедить ее в необходимости ответить на его ухаживание. Комический и интригующий эффект создается, таким образом, при помощи отрицательных сравнений, в которых явления сопоставляются не прямо, а через отрицание их тождества, причем в качестве сопоставления в «подкатах» выбираются самые, казалось бы, неожиданные факты: *«Я, конечно, не баунти, но доставляю райское наслаждение»; «Я, конечно, не клей, но тебя я склею».*

Используются подкаты, прямо указывающие и на выдающиеся особенности внешности незнакомки: глаза, губы, волосы, ноги и т.д.: *«Я не знаю анатомию глаз, но твои точно космос»* или *«У вас такие глубокие глаза, давайте в них картошку сажать».*

Особую группу «подкатов» составляют фразы с ярко выраженным романтическим пафосом. Встреча с прекрасной незнакомкой мыслится в них как событие, предначертанное свыше, сон, сбывающийся наяву. Героиня, пригрезившаяся в сновидении, представляется как нечто прекрасное и возвышенное: *«Помнишь меня? Мы же встречались с тобой во сне», «Ты прекрасна, словно я еще не проснулся», «Привет! Ты мне снилась».*

Рождение нового текста происходит чаще всего случайно, поскольку сам интерес к незнакомой девушке вспыхивает непредсказуемо и неожиданно. Юноша старается впечатлить девушку в максимально короткое время, поскольку встреча зачастую происходит в процессе движения, перемещения. Поэтому «подкат» должен мгновенно заинтриговать и впечатлить адресата: *«Расскажу про фразочку, которая, по сути, помогла мне начать встречаться с девушкой. Я познакомился с ней на танцах, когда мне было 15. Когда заиграл медляк, я пригласил ее потанцевать. А когда мы болтали ни о чем, я вдруг спросил у нее: “Ну... и какого цвета у тебя зубная щетка?” Это был самый тупой, самый нелепый вопрос, который я только мог придумать. С тех пор прошло 8 лет, и на нашей свадьбе, во время первого танца моя невеста спрашивает у меня: “Ну, и какого цвета у тебя зубная щетка?” Я никогда не был так ни в кого влюблен».*

В настоящее время в связи с большой популярностью виртуального общения приговорки-«подкаты» получили широкое распространение в интернет-пространстве. Существует множество сайтов с размещенными на них рецептами успешного знакомства, где обширно представлены тексты «подкатов» и рекомендации по их использованию (<https://mensby.com>, <https://www.infoniac.ru>, <https://inttershop.com> и т.д.). Виртуальное общение помогает молодым людям – скромным, застенчивым, одиноким и имеющим физические недостатки – завести знакомство. Но для этого необходимо так же, как и при «живом» общении, впечатлить девушку, чья фотография и анкета понравились молодому человеку. Нередко для этой цели и используются традиционные «подкаты», присылаемые в личные сообщения или оставляемые в комментариях под фотографиями и записями. Виртуальные «подкаты» отличаются большей оригинальностью и юмористичностью, что связано с высокой конкуренцией на так называемом «рынке онлайн-знакомств», так как, несомненно, процент молодых людей, которым легче написать в социальной сети, намного выше количества тех, кто готов познакомиться в реальной жизни. Основная цель остается прежней – поразить, заинтересовать, вызвать реакцию адресата, приложить все старания, чтобы «подкат» не остался незамеченным.

Интернет-тексты строятся по известным моделям и могут включать самые популярные, «проверенные» образы, например, сравнение девушки с «ангелом», которое не может оставить равнодушным большинство адресатов: *«Я что умер? Иначе как я встретился с ангелом?»*, *«Мне тут только что из агентства ангелов звонили, сказали, что самый красивый ангел сбегал, но я тебя не выдал»*, *«У ангелов всегда хорошее настроение, но на всякий случай уточню: всё ли у тебя в порядке?»*

Популярен вариант приговорки с провокационным вопросом о произошедшем «падении» (приземлении) ангела на землю:

– Ты не ударилась, когда падала?

– Что? Когда?

– Но ты ведь ангел! Как ты тогда попала на землю?

Другая вариация такого «подката», основанная на когнитивной оппозиции «рай – ад», вызывает у представительниц «слабого» пола еще больший интерес в силу своей оригинальности и «неизбитости»: *«А тебе не было больно, когда ты пробивала земную кору, поднимаясь из ада?»* Если сравнение с ангелом современными девушками воспринимается как банальность и примитив, то этот вариант покоряет своей новизной и воспринимается как свидетельство непохожести молодого человека на других.

Интересны приговорки, созданные по принципу «подкат без подката». Они преследуют те же цели, имеют традиционную неожиданную развязку, но при этом подкат

осознанно замалчивается, что и придает фразе своеобразную «изюминку»: *«Ты такая красивая, что я забыл, какую пикаперскую фразочку хотел тебе сказать»*, *«Ты так красива, что я забыл, как хотел подкатить к тебе»*.

В ходе проведенного исследования становится очевидно, что шуточные словесные реплики, адресованные в ходе первой встречи представителям противоположного пола, нацелены на привлечение внимания и завязывание личных (интимных) отношений. Выступая жанровой разновидностью молодежного фольклора, приговорки-«подкаты» продолжают оставаться востребованными в современном обществе. Прослеживается постепенная миграция текстов в сетевое пространство, где они продолжают выполнять привычную функцию организации знакомства и завязывания отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абанькина Е. В., Шумов К. Э. Фольклор и обряды туристов // Современный городской фольклор: сб. статей. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 103–122.
2. Абукаева А. В., Ефимова Н. И., Золотова Т. А. Фольклорные нарративы в современной молодежной культуре // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 129–136.
3. Алексеевский М. Д. Возьми трубку и зажги мир (молодежное сообщество пранкеров в России // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д. В. Громов, отв. ред. М. Ю. Мартынова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. – С. 401–439.
4. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. – М.: Высш. шк., 2004. – 735 с.
5. Бажкова Е. В., Лурье М. Л., Шумов К. Э. Городские граффити // Современный городской фольклор: сб. статей. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 430–449.
6. Белоусов А. Ф., Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Сборник докладов Первого Всероссийского конгресса фольклористов. – Т. 1. – М., 2005. – С. 215–243.
7. Борисов С. Б. Любовный рассказ в ансамбле девичьего альбома // Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. – М.: ОГИ, 2004. – С. 54–62.
8. Гавриляченко Е. Э. Фольклорные волны в культуре России и «Молодежное фольклорное движение» 1980-2000 гг.: автореф. дис. ... канд. культ. наук. – М., 2008. – 25 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 8-е изд. – М.: Олма-Пресс, 2003.

10. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 400 с.
11. Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Письма. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
12. Лис Т. В., Разумова И. А. Студенческий экзаменационный фольклор // Живая старина. – 2002. – № 4. – С. 31–33.
13. Марсадолова Т. Л. Художественный образ ангела: от первобытности к средневековью // Народы и религии Евразии. – 2010. – Т.4. – С. 39–53.
14. Мельников М. Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.
15. Писаревская Д. Б. Фольклор ролевой молодежной субкультуры как коммуникативная система // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность: сб. статей. – М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2008. – С. 157–174.
16. Подъячая А. Е. Студенческий фольклор: его роль в жизни студентов // Вестник современных исследований. – 2018. – № 5.1 (20). – С. 640–645.
17. Райкова И. Н. Традиции и фольклор московских студентов // Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д. В. Громов. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2009. – С. 26–48.
18. Старкина Е. С., Тростина М. А. Волонтерский фольклор как феномен современной молодежной культуры // Актуальные проблемы филологии и журналистики: сб. науч. тр. / редкол.: Т. И. Мочалова (отв. ред.). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – С. 54–59.
19. Тарасова И. С. Роль и место заговора в субкультуре молодежных групп // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mthenia.ru/folklore/ls04tarasoval.htm> (дата обращения: 12.08.2009).
20. Тихомиров С. А. Фольклор современной городской молодежи: аксиологический аспект: автореф. дис. ... канд. культ. наук. – СПб., 2009. – 26 с.
21. Тростина М. А. Застольные приговорки // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 4 (104). – С. 100–106.
22. Шумов К. Э. «Эротические» студенческие граффити: На материалах студенческих аудиторий Пермского университета // Секс и эротика в русской традиционной культуре / сост. А. Л. Топорков. – М.: Ладомир, 1996. – С. 454–483.

РАУЖИНА А. М.
ПУШКИНСКИЙ РОМАН В СТИХАХ
В ПАРОДИЯХ И ПЕРЕПЕВАХ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается судьба первого русского реалистического романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина в поэзии начала XXI века. Анализ произведений В. Дагестанского и Э. Абрамова позволяет сделать вывод об использовании авторами элементов пародии и перепева для интерпретации текста-оригинала. В таких текстах авторы описывают современную действительность с ее знаковыми приметами, вступают в диалог с классиком и демонстрируют мастерство стилизации в собственных текстах.

Ключевые слова: роман в стихах, «Евгений Онегин», пародическое использование, перепев, травестия.

RAUZHINA A. M.
PUSHKIN'S POETIC NOVEL IN PARODIES AND REHASHES
OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract. The article deals with the development of the first Russian realistic novel in verse "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin in the poetry of the beginning of the XXI century. An analysis of the works of V. Dagestansky and E. Abramov allows us to conclude that the authors use parodies and rehashes to interpret the original text. In such texts, the authors describe modern reality with its iconic signs, initiate a dialogue with the classic author, and show the ability to stylize their own texts.

Keywords: poetic novel, "Evgeny Onegin", parody, rehash, travesty.

Литературное движение ориентируется на поиск новых форм, путей самовыражения, познания исторической действительности. Так, бурное распространение онегинских перепевов в 20-е годы XX века основывалось на поиске новых знаковых представителей литературы вследствие эмиграции значимых фигур. Послереволюционные тексты подвергаются переделке, изъятию из них «буржуазности», после чего они становятся несамодостаточными, их регистр снижается до фарсового. Онегин сменяет множество профессий и занятий, проходит войну, эпоху «оттепели» и все главные исторические события века.

Переход в новый XXI век не умоляет популярности романа А.С. Пушкина. Особую роль в появлении новой волны переделок романа сыграл 200-летний юбилей классика русской литературы. Все больше авторов вступают в прямой диалог с Пушкиным с целью

продемонстрировать свои возможности стилизации текста, примерить форму канонического произведения на собственные сочинения. Обратить взгляд читателя на произведение сквозь призму узнаваемых сюжетов, героев, коллизий. Таким образом, роман в стихах становится, с одной стороны, подлинным изображением пушкинского времени, с другой – универсальной формой для творческих конструкторов писателей всех последующих поколений.

Пространство для перепевов и сиквелов «Евгения Онегина» создается и особенностью произведения: «механическая» незавершенность порождает желание творческих читателей развивать эту, на их взгляд, неоднозначность, используя различные сюжетные ходы [1, с. 56]. Постигая авторскую интенцию, писатели берутся и за исправление ключевых сцен выбора каждого из героев: письмо Татьяны к Онегину, дуэль Онегина и Ленского, последняя встреча Онегина и Лариной.

Авторами пародических использований не берется собственно жанр романа в стихах, так как ими осознается невозможность приближения к достигнутому Пушкиным уровню. Для формы своих текстов они избирают разные жанры: драма, рассказ, повесть, анекдот и т.д. В связи с этим писатели воссоздают не полномасштабную «энциклопедию», но цельные отрывки, в которых используют отдельные аспекты психологии героев, ключевые сцены первоисточника, прецедентные имена и т.д. [4, с. 409].

Стоит отметить, что тексты, сконструированные на основе хрестоматийного «Онегина» чаще всего, используют комическую стилизацию (целенаправленно ли, произвольно). И частотными здесь являются перепев и пародическое использование. Специфика пародической формы пародийной функции обстоятельно была отмечена Ю. Н. Тыняновым. Отмечая, что «использование какого-либо произведения как макета для нового произведения – очень частое явление», он дал ему название «пародическое использование». Суть его заключается в применении «пародических форм в непародийной функции» [9, с. 290]. Отсюда – направленность не на текст-первоисточник, но на современные реалии или само отношение к минувшим эпохам в контексте настоящего. То есть, пародическое использование отлично от собственно пародии функциональностью, направленностью и вытекающим из нее характером литературного источника, модель которого положена в основу нового произведения.

Им приводится и «перепев» как возможный термин для обозначения явления, близкого одновременно как пародии, так и подражанию, но так и отличного от них. Л. В. Брадис определяет главной целью перепева высмеивание какого-либо общественного явления [3, с. 84-85]. Также считает необходимым противопоставление пародии и перепева В. И. Новиков, который, особо подчеркивая их близость, родственность, предостерегает от смешения данных явлений. Перепев, по его мнению, обладает большей связью с пародией,

сочетая в себе сатирический памфлет, фельетон и саму пародию [7, с. 304]. К тому же, отмечает автор, стоит помнить о том, что само слово перепев является калькой с греческой пародии [7, с. 268].

Вопрос о месте перепева в ряду других юмористических и сатирических жанров находится в стадии решения. Но главными признаками, выделяемыми целым рядом исследователей, являются: текст-источник, имеющий широкую известность и одновременно отсутствие направленности – с отрицательной коннотацией – на этот текст.

Первым значимым произведением в начале XXI века является перепев Виктора Дагестанского «Евгений Онегин 2000 года» (2001 г.) Уже в начале текста Дагестанским, как и в пушкинском оригинале, намечается план и суть повествования: использование формы романа в стихах для «серьезных» размышлений и здесь же – для «полушутливых рассуждений» [5]. Благодаря этому создается некоторая отстранённость текста Дагестанского от текста-оригинала, что дает возможность вплетать новые аспекты уже современной окружающей среды. Такой «экзистенциальный» подход позволяет отходить от заданной А. С. Пушкиным масштабности описания. В центре «младшей энциклопедии жизни» – новый Онегин с новыми, свойственными дигитальной среде, проблемами.

Дагестанский инкрустирует свое произведение прямыми цитатами русского классика. Так конструируется диалог между авторами, а вместе с тем и двумя эпохами, между которыми – века и отличные, свойственные для каждой из них, проблемы.

Как и во многих других травестийных переработках «практекста», сам тон повествования снижается, приближается к ироническому. Главный герой – Евгений Онегин – герой своего времени, студент МГИМО, творящий «конспект по Карлу Марксу [5]. Дагестанский профанирует и устремления молодого повесы: изучение французского сводится к хоровому пению Марсельезы, английского – чтению меню в столичных ресторанах. Автор одевает своего героя в яркие приметы времени:

*Онегин отрок в меру славный
И джинсы «Левис» он носил
От Зайцева костюм лавсанный
Пушок лишь «Шиком» лезвий брил
И танцевал по мере нужд
Наклона три из танго и мазурки
«Брек Данс» не очень чтобы чужд
И твист и реп движенья и фигурки
Фано и песни: продолжать? [5].*

Знаковые отрывки прототекста Дагестанский изменяет, доводит их до сатиры на современный мир. Серебрящийся «морозной пылью» воротник сменяется на полированную серебром машину. В самом сознании Онегина происходит не столько переход к знаменитой русской тоске, сколько полный регресс личности. От перестроечной эпохи, выпавшей на детство героя, до становления непривычного русскому человеку до этого момента рыночной системы:

Он знал, товар имеет таксу

И верил в доллар как отцу.

Отец его понять не мог

Как доллар в доме стал, что бог [5].

Новому Онегину автор не дает реализовать большей части событий текст-оригинала. Дагестанскому важен не путь героя, а его внутреннее состояние опустошенности, отсутствия интереса к жизни. Так, Дагестанский с помощью оригинального текста описывает нравственное обнищание молодых людей своего времени.

Интересным в ряду травестийных переложений представляется нам текст Э. Абрамова «Я Вам пишу. Десятая глава роману А. С. Пушкина "Евгений Онегин"» (2002 г.). Автор вновь вступает в диалог с писателем: во сне сам классик передает ему замысел продолжения «неоконченного романа» и поручает его претворить в жизнь:

Вот рукопись главы последней,

Я отыскал ее наемдни [6].

Онегин Абрамова следует якобы по одному из путей, предложенных герою самим автором оригинального романа в стихах. Так, Ю. Юзефович отмечает, что во время встречи с А. С. Пушкины в 1829 году, тот поделился планами дальнейшей судьбы Евгения: он «должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов» [8, с. 387]. Абрамов проводит своего Онегина через испытания путешествием по разноликой стране декабристских настроений. Теперь отстранение в первых главах героя от света переходит в сознательный выбор. Происходит не развитие собственно героя, а течение самого времени, его изменении в бурную эпоху исторических событий. Так, Онегин становится настоящим декабристом, что является еще один однозначным ответом на давнюю полемику среди литературоведов о том, мог ли перейти герой на сторону участников народного волнения. После подавления вместе с другими декабристами Онегина ссылают в Сибирь. Спустя десять лет герой получает письмо от Татьяны, в котором – весть о смерти мужа-генерала и признание в не угасшей за все эти годы любви.

Продолжение Онегина полно трагизма и светлой грусти. Оно переходит в своем развитии от первого русского реалистического романа к роману неосентиментализма.

Неосентиментализм отличен от сентиментализма карамзинского, хотя и базируется на его основе. Неореализм включает в себя неоромантические и немодернистские концепции, проходит длительный этап от всеохватывающей иронии к суггестиву «противоиронии» [2, с. 204]. Такое движение в целом характерно для литературного процесса современности (например, в творчестве С. Гандлевского, Е. Гришковца, Т. Кибирова). Именно поэтому развязка теста становится очевидной и наивной: Онегин приезжает к Татьяне в момент чтения письма, и их встреча становится счастливым концом. Так, пародическое использование романа в стихах позволяет Э. Абрамову придать светлую тональность описываемой истории, использовать не реализованные сюжеты для создания точной завершенности романа.

Таким образом, писатели начала XXI столетия обнаруживают новую волну интереса к роману в стихах «Евгений Онегин». Вновь вступая в творческий диалог, они не столько развивают пушкинский сюжет, сколько рождают самостоятельные произведения, выполняющие «заказ» новой эпохи. Так, авторы не обращаются к собственно пародии, направленной на сам текст, а получают удовольствие от приближения к замыслу большого романа, от отсутствия дистанции в важном для каждого из них пространстве – пространстве литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамовских Е. В. Рецептивные стратегии текста non-finito // Вестник ЮУрГУ. – 2007. – № 8 (80). – С. 56–61.
2. Барковская Н. В. Диалог с литературной классикой в современной поэзии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2004. – № 7. – С. 204–217.
3. Брадис. Л. В. Сатирический перепев в творчестве поэтов «Искры» // Учен. зап. Калнин. пед. ин-та. – 1963. – Т. 36. – С. 84–85.
4. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
5. Дагестанский В. Евгений Онегин 2000 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2001/08/10-320> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Левичев С. Евгений Онегин // Новая газета Кубани. – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ngkub.ru/kultura/evgenij-onegin-prodolzhenie-romana> (дата обращения: 25.11.2022).
7. Новиков В. И. Книга о пародии. – М.: Сов. писатель, 1989. – 552 с.

8. Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина». – М.: Литературное наследство, 1977. – 760 с.
9. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 573 с.

УСАНОВА А. В.

**ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА В ПРОЗЕ М. А. ШОЛОХОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «НАХАЛЁНОК»)**

Аннотация. Статья посвящена осмыслению принципов художественного изображения исторических событий и лиц глазами ребенка в прозе М. А. Шолохова. В этой связи проводится анализ рассказа «Нахалёнок», в котором возникает мифологизированный образ Ленина, созданный воображением мальчика Мишки. Мифологизация понимается как прием создания художественного образа, направленный на демократизацию восприятия исторического героя.

Ключевые слова: мифологизация, гражданская война, Шолохов, Нахалёнок, Ленин.

USANOVA A. V.

**HISTORY THROUGH THE EYES OF A CHILD IN THE PROSE
OF M. A. SHOLOKHOV: A CASE STUDY OF THE STORY «NAKHALENOK»**

Abstract. The article is devoted to understanding the principles of literary presentation of historical events and persons through the eyes of a child in the prose of M. A. Sholokhov. The author analyzes the story «Nakhalenok» which includes the mythologized image of Lenin created by the imagination of the boy Mishka. Mythologization is understood as a literary technique of creating an image aimed at democratizing the perception of a historical person.

Keywords: mythologization, civil war, Sholokhov, Nakhalenok, Lenin.

Каждая новая историческая эпоха актуализирует свой образ героя, а народ формирует о нем представление, сохраняющееся столетиями. Его истинность безусловна, поэтому «фольклорное» свидетельство превосходит по степени доверия к нему свидетельство «документальное». В общественном сознании исторические личности, изрядно проявившие себя в масштабе жизни страны и судьбы народа, мифологизируются, причем уже современниками (в качестве примера можно назвать имена С. Т. Разина, Петра I, А. С. Пушкина, В. И. Чапаева, В. И. Ленина и др. (См. об этом: [6; 7])). Меняется восприятие образа большого человека, далекого в пространственном и временном отношении: с одной стороны, обожествляется, с другой стороны, укрупняясь, приближается и таким образом подводится под фундаментальные, базисные понятия для упрощения усвоения путем метафоризации и доведения до понятных каждому общечеловеческих универсалий. Прием мифологизации, принятый в художественной литературе, выражает авторское отношение к исторической личности и собственное видение, вводит символизм в повествование и готовит почву для интерпретации авторского замысла.

Мифологизация, по Е. Ю. Додолеву, есть «процесс (и результат означенного процесса) генерации художественного образа (вымысла) на базе реальных исторических событий (биографий и т. п.)» [2, с. 35]. К мифу обращаются сознательно как к инструменту художественной организации накопленного опыта, как к способу «выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки» [3]. Современные теории определяют миф как «некую емкую форму и структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики» [1]. В XX веке «миф стал одним из центральных понятий социологии и теории культуры» [4, с. 29].

Основные типы мифологизма в литературе были сформированы в начале XX века и соотносятся с именами Джеймса Джойса, Томаса Манна, Франца Кафки и Габриэля Гарсиа Маркеса. В отличие от традиционного мифа, новый литературный миф – это один из основных способов иносказания, художественный образ, созданный с помощью привлечения тех или иных черт мифологической образности. Мифологизм представляет собой не только художественный прием, но и специфическое мироощущение, передаваемое в произведении [5].

М. А. Шолохов использует прием мифологизации образа Ленина в исторический период, когда его культ личности безграничен, поэтому фактически писатель фиксирует закрепившееся тогда в обществе восприятие Ленина как божества, сошедшего на землю. И бросающаяся в глаза «простота» Ленина только ускоряла процесс его обожествления. Масштаб его личности и возможностей в воображении народа не имел предела. Простому человеку, не снабженному обширными историческими и политическими знаниями, фигура Ленина представлялась в сочетании общих фундаментальных понятий как что-то неосоздаемое, но в то же время реальное и не лишенное личностных черт, близкое народу.

Так и для мальчика Мишки из повести «Нахалёнок» Ленин – «главный» человек в опосредованном восприятии через рассказы его отца, к которому он испытывает уважение и видит в нем пример, как во взрослом и умудренном жизнью и войной, прошедшей через него, человеке. Для мальчика через него транслируются истины и та самая правда жизни, которую, без сомнения, опытный и мужественный солдат постиг. Очевидно, что и образ отца в сознании Мишки не лишен мифологизированных черт, складывающихся из собственных воспоминаний, рассказов матери и деда и сублимированных в нечто единое и целостное – в большую фигуру, в образец и пример для подрастающего мужчины.

Отец Мишки появился внезапно, заполнив собой духовный и эмоциональный мир сына. Этот огромный для семилетнего мальчика образ, материализовавшись в настоящем, живом человеке, захватил его мысли, его жизнь, явился образцом для подражания. Мишка

слушал его рассказы о войне, о людях и через них познавал тот большой мир, в который ему только предстояло войти. Вместе с этим в нем формировалось и его собственное мировидение. Отец – знающий, прошедший и видевший многое, настоящий герой, родной, теплый и светлый человек – становится нерушимым идеалом и примером, гордостью Мишки. Этот образ, в силу своего возраста, мальчик может понять и осознать только на эмоциональном уровне, посредством сильно развитого в нем воображения, через фундаментальные понятия: доброта, защита и опора, справедливость и мужество, уважение и непогрешимость. Как следствие, отец вызывает абсолютное доверие, гордость и веру.

С отцом в жизнь Мишки входит ещё один объемный, но неосязаемый образ, постепенно увеличивающийся в его сознании – образ Ленина. Представление о нем, сначала загадочном и далеком, впоследствии ставшем близким и родным, принимает универсализованную форму в восприятии семилетнего мальчика. Метафора пахаря, собравшего полосу плугом, воплотилась в Мишкином сне в конкретный портрет незнакомого ему человека: «Идет Мишка по улице, голову кверху задирает, рассматривает, и вдруг, откуда ни возьмись, шасть ему навстречу **высоченный человек в красной рубахе**» [8]. Этот образ такой же реальный для ребенка, как и черти, которые норовят зажарить его на сковородке, по словам поповского сына. Пахарь в красной рубахе с косой саженью в плечах был для него настоящим, вызывающим трепет и восхищение, безоговорочное доверие и легкую боязнь и вместе с тем чувство долга, дарящим ощущение защищенности и уверенность в важности своих будущих дел на благо идеалов, транслятором которых для Мишки и являлся этот «большой» человек.

За самоотверженную и преданную службу делу Ленина сын солдата просит лишь защиты от дедовской хворостины, ведь защита прав бедных и обездоленных от их гонителей и есть то правое дело, во имя которого предстоит воевать.

Отец и Ленин, появившиеся в его жизни одновременно, вызывали у мальчика сходные впечатления: они огромные и светлые, охватывающие необъятное, герои и защитники, но добрые и родные. Однако идеал Ленина, выраженный в высоченном пахаре в красной рубахе, способном перевернуть землю, сформировавшийся по рассказам родного отца, вскоре уточняется. К Мишке попадает фотография Ленина, на которой он оказывается маленьким человеком в пиджаке и с вытянутой вперед рукой. Этот новый облик Ленина он принял и срастил со своим прежним представлением о нем как об огромном человеке, хотя и не без удивления от столь неожиданного расхождения портретов: высокий пахарь в красной рубахе из его сна соединился с маленьким человеком на маленьком кусочке бумаги. Однако с этого момента начинается ещё большее сближение Мишки с хоть и не виданным им ещё, но точно существующим добрым и справедливым вождем. Мишка не расстанется с

фотографией Ленина, носит ее под рубашкой у сердца, достает ее и говорит с ней. Эта фотография используется мальчиком как нательная иконка – символ веры, который всегда с собой. Нательной иконке предназначено сопровождать своих хозяев, оберегая от бед, предоставляя возможность обратиться с молитвой за поддержкой и благодарностью к почитаемому святому.

Абстрактный образ уподобляется тем образам, с которыми говорят взрослые в трудную минуту, стоя перед «красным углом» в избе, и которому кланяется дедушка, что-то проговаривая себе под нос перед сном. Мишка уверен, что человек с фотографии его слышит и обязательно защитит, стоит только ему, маленькому мальчику, вступить к нему на службу и служить своей преданностью.

Когда же Мишка лежит на земле в полусне-полубреду, выполнивший поручение деда и нашедший солдат, способных прийти на помощь и разгромить страшных чужаков, убивших его отца, в его сознании мелькают разные образы. Сначала это сам отец, живой, смеющийся, крутящий рыжий ус, за ним – дед, мать, а потом сам Ленин: не большая красная рубаха и широкие плечи с недюжинной физической силой в них, а маленький лобастый человек, указывающий на Мишку рукой. Но фигуру эту не могут обхватить протянутые мальчишечьи ручки – ведь это все тот же большой и священный образ Ленина, его последнего защитника и опоры, навсегда вошедший в детское сознание.

Это постепенное превращение из большого в маленькое и снова в большое претерпел абстрактно-реальный, мифологизированный в сознании Мишки образ вождя. А затем Мишке уже и не нужно было воображать Ленина великаном, чтобы понять его величие. Маленький человек с фотографии наделяется силой, способной взрыть и перевернуть землю и защитить всех бедных и лишенных надежды.

Большая фигура Ленина складывается из мелких деталей по рассказам отца и широких понятий добра, зла и более дробных, конкретных, но обширных человеческих черт.

Сознание Мишки усложняет восприятие Ленина, наделяя одновременно абстрактными и конкретными чертами, в силу буквального восприятия всего, что его окружает. Следует, однако, подчеркнуть, что мифологизация не равна упрощению и некоей схематизации, устраняющей сложную связь всех черт и качеств, присущих и обычному человеку, и, в особенности, выдающейся личности. Напротив, этот процесс создает цельный и разносторонний образ, приближающий его к представителям любого социального слоя и уровня образованности и житейского опыта, не перекраивая его, а лишь описывая на уровне простых, но существующих с самого зарождения человечества универсалий.

Мифологизация образов важнейших фигур в истории отдельной страны или всего человечества делает невозможным их забвение, закрепляя их в массовом сознании, а впоследствии и в художественном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габриелян О. А. Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (40). – №3. – С. 158–166.
2. Додолев Е. Ю. Мессии. Мифологизация религиозных вождей // Новый взгляд. – 1992. – № 3. – С. 35–64.
3. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philologos.narod.ru/myth/litmyth.htm> (дата обращения: 21.02.2023).
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
5. Пьянзина В. А. Авторский миф в современной русской литературе // Universum: филология и искусствоведение. – 2019. – № 8 (65). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-mif-v-sovremennoy-russkoy-literature> (дата обращения: 22.02.2023).
6. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Жанровая специфика русского исторического романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 195–200.
7. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. О жанровой природе исторической песни: русско-эрзянский контекст // Вестник угрюдения. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 120–129.
8. Шолохов М. А. Нахалёнок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://booksafe.net/read/sholohov_mihail-nahalenok-59877.html#p1 (дата обращения: 18.02.2023).

ГОРБУНОВА Л. Г., ТЮРИНА А. В.
КОНЦЕПТ «БОГ» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Аннотация. Осмысление концепта «Бог» через призму романа Ф. М. Достоевского способствует раскрытию внутреннего мира автора и героев, показывает корреляцию представлений об идеале и реальности, позволяет постичь вечные вопросы, отражающие связь языка и мышления. Отталкиваясь от лексического значения слова «Бог», авторы проводят логический анализ понятия «Бог».

Ключевые слова: концепт, когнитивный слой, сознание, Бог, Господь, Всевышний, Вседержитель, Создатель, Творец.

GORBUNOVA L. G., TYURINA A.V.
THE CONCEPT OF "GOD" IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
"THE BROTHERS KARAMAZOV"

Abstract. Comprehension of the concept of "God" through the prism of the novel by F. M. Dostoevsky contributes to the disclosure of the inner world of the author and the characters, shows the correlation of ideas about the ideal and reality, allows us to comprehend eternal questions reflecting the connection of language and thinking. Starting from the lexical meaning of the word "God", the authors come to a logical analysis of the concept of "God".

Keywords: concept, cognitive layer, consciousness, God, Lord, Almighty, Creator, All-Father.

Современные лингвистические исследования отражают тенденцию выхода авторов за рамки традиционного структурно-семантического описания языковых явлений в области, именуемой «смежными лингвистиками». В этом плане изучение концепта как инструмента когнитивистики ведется наиболее активно, хотя до настоящего времени нет и четкой методологической базы, и единого непротиворечивого определения терминов «концепт», «концептосфера», «языковая картина мира».

Все исследователи концептов едины в выводе о том, что концепт связан с представлениями мыслящего субъекта о мире, с чувственным опытом, с общественным сознанием, с этнокультурными особенностями и областью морали как общечеловеческого опыта. И. А. Стернин характеризует концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную,

энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [6, с. 4 – 23]. Н. Д. Арутюнова связывает концептуальный анализ с «целью определить статус мировоззренческих понятий в обыденном сознании людей» [2, с. 325].

По мнению А. Вежбицкой, под концептом понимается «объект из мира «Идеальное», который имеет имя и отражает определенное культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность». Она определяет концепты «как инструменты познания внешней действительности, которые должны быть описаны средствами языка в виде некоторых объяснительных конструкций» [цит. по 8]. Таким образом, в определение концепта вкладывается и духовная / ментальная / культурологическая составляющая. Ее невозможно постичь без этнического осмысления (В. А. Маслова и др.). По В. В. Колесову, «концепт – зерно первосмысла, семантический «зародыш» слова»; «концепт не расширяется каким-либо вопросом, ибо именно он – и точка отсчета, и завершение процесса на новом уровне семантического развития живого в языке; он и есть источник всеобщего смысла, который организуется в системе отношений множественных форм и значений» [4, с. 37].

После изучения довольно многочисленных публикаций, посвященных исследованию разного рода концептов, все же остаются вопросы о корреляции терминов «понятие» – «концепт» – «слово» – «значение». Существо данного соотношения находим в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Ю. С. Степанов выводит термин «концепт» из термина «понятие», отмечая у последнего два значения. При этом концепт соотносится с грамматической или семантической категорией, «обычно не высшего уровня обобщения» [6, с. 384]. Ученый рассматривает концепт в рамках термина «понятие» как «явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связи; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [6, с. 384]. Исследование концепта, как отмечает автор, производится через исследование предложений / контекста / условий употребления, номинализацию. Как утверждает Ю. С. Степанов, «эта процедура называется «концептуальным анализом», одна из задач которого – сделать концепт более определенным» [6, с. 384]. Ученый четко систематизирует слои концепта (понятия), выделяя совокупность сигнификата, интенционала, денотата и компрегенсии. Приведем его определения каждого слоя. *Сигнификат* – «совокупность тех признаков предмета (явления), которые существенны для его правильного именования данным словом в системе данного языка» [6, с. 384]. При этом учитывается «место данного слова в лексико-семантической системе языка (в лексико-семантическом поле; в системе оппозиций; синонимов; антонимов;

конверсивов; перифраз)» [6, с. 384]. *Интенционал*, отмечает Ю. С. Степанов, – это «правильное определение понятия, связанное с категорией сущности» [6, с. 384]. *Денотат* – «класс всех реальных (т.е. существующих) предметов, к которым слово правильно приложимо (для называния) в системе данного языка» [6, с. 384]. *Компрегенсия*, «охват», «протяженность» – классификация и ее результат, то есть класс всех непротиворечиво мыслимых предметов, к которым данное слово может быть правильно приложимо (независимо от того, существуют эти предметы в действительности или нет, известно или неизвестно их существование)» [6, с. 384]. Важным для нас представляется допущение Ю. С. Степанова о том, что «понятие может сопровождать *коннотация* – те признаки, которые, не включаясь в понятие, окружают его в языке в силу различных ассоциаций – познавательных (знаний о мире), эмоциональных, экспрессивных, стилевых» [6, с. 384].

Концепт «Бог» в русском языковом (и православном!) сознании связывается с первоосновой бытия, с актом творения, с истиной и духовным совершенствованием. Частотностью словоупотребления, постоянной «оглядкой» православного человека на верховного «судью» объясняются многочисленные фразеологизмы, в состав которых входит лексема «Бог», разнообразными стилистическими вариантами.

В этой связи попытка рассмотрения концепта «Бог» представляется весьма актуальной.

Предварительно обратимся к раскрытию лексического значения слова «Бог» в различных словарях. Приводим некоторые трактовки:

Теософский словарь:

«**БОГ** (Слав.) "Бог"; славянское имя греческого Вакха, чье имя стало прототипом имени Бог или Bagh и bog или bogh; по-русски – Бог» [14].

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля:

«**БОГ**. Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Сый, Господь; Предвечное Существо, Создатель вселенной» [2].

Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой:

«**БОГ**, -а, *зват. (устар.) б ó ж е*, м. По религиозному представлению: верховное существо, сотворившее мир и управляющее им, или (при многобожии) одно из таких существ» [11].

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова:

«**БОГ** [бох], а, м. По религиозным верованиям – верховное существо, стоящее будто бы над миром или управляющее им. Идеей бога пользуются господствующие классы, как орудием угнетения трудящихся масс» [15].

Словарь философских терминов:

«**БОГ** – в религиозных системах духовное существо (в монотеистических религиях или одно из них – в политеистических), которое управляет миром, судьбами людей, предполагает веру в его существование и выступает в качестве объекта культа. Представления о Б. зависят от типов религий и культур, от стадии развития религиозного сознания. Б., как правило, наделяется свойствами необыкновенной силы, могущества, праотца и т.д. В большинстве случаев Б. предстает в антропоморфном облике» [13].

Библейский словарь:

«**БОГ** – это Высший Дух и Абсолютная Сила закона, истины, любви. В Нём заключено всё» [1].

В современном употреблении фиксируются все указанные значения, однако наиболее подчеркнут такой аспект значения, как *«верховное существо, сотворившее мир и управляющее им»*.

В поле концепта «Бог» (основываясь на тексте романа) можно выделить некоторые слои, объясняющие отражение образа Бога в коллективном сознании языковой личности. И. А. Стернин «под когнитивным слоем концепта понимает совокупность признаков, отражающих сквозное членение содержания концепта по определенному когнитивному классификатору» [6, с. 10].

Для систематизации поля концепта «Бог» прибегнем к выделению из извлеченных из текста романа языковых фактов следующих когнитивных слоев:

1. Бог – верховное существо, сотворившее мир и управляющее им (сигнификативный план, по Ю. С. Степанову):

«Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возило всё, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным, если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе» [3].

2. Бог – символ веры (вероятно, по Ю. С. Степанову, это показатель компрегенсии):

«"Господь мой и бог мой!" Чудо ли заставило его уверовать? Вероятнее всего, что нет, а уверовал он лишь единственно потому, что желал уверовать, и может быть уже веровал вполне» [3];

«Если бы не было бога, то его надо выдумать» [3].

3. Бог – любовь / средство познания способности любить (вероятно, по Ю. С. Степанову, это сигнификативный слой):

«По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей» [3];

«– Алексей, русского бога люблю, хоть я сам и подлец!» [3];

« – **бога жалко**, вот от чего!

– Как **бога жалко?** [3]»;

4. Бог – судия, вершащий моральный суд (вероятно, по Ю. С. Степанову, это слой интенционала):

«Так ей и надо, **это ей бог за неблагодарность послал**» [3];

«**Но спасет бог Россию**, ибо хоть и развратен простолюдин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но всё же знает, что **проклят богом его смрадный грех**, и что поступает он худо, греша. Так что неустанно еще верует народ наш в правду, **бога признает**, умиленно плачет» [3].

5. Бог – высшая власть (вероятно, по Ю. С. Степанову, это тоже слой интенционала):

«Его **бог убьет**, вот увидишь, молчи!» [3];

«Да и сам **бог вседержитель** с татарина если и **будет спрашивать**, когда тот помрет, полагаю каким-нибудь **самым малым наказанием**» [3].

6. Бог – учитель, идеал жизни (предположим, в соответствии с выделяемыми аспектами термина «концепт / понятие» по Ю. С. Степанову, что это элемент коннотативного смысла).

«В горячей молитве своей он **не просил бога разъяснить** ему смущение его, а лишь жаждал радостного умиления, прежнего умиления, всегда посещавшего его душу после хвалы и славы **богу**» [3].

7. Бог – инструмент самооценки лица (также отметим, в соответствии с выделяемыми аспектами термина «концепт / понятие» по Ю. С. Степанову, что это элемент коннотативного смысла):

«Правда, он был бог. Но **мы-то не боги**» [3].

Помимо этого, выявлены многочисленные случаи паремического (междометного / пословичного) употребления отдельной лексемы или фразеологизма с наличием ее в составе типа:

«Но **вот тебе бог**, Алеша, не обижал я никогда мою кликушечку!» [3];

«**отдал душу богу**» [3];

«**богом клянусь**, не приходила» [3]!

«**Дай вам бог**, чтобы решение сердца вашего постигло вас еще на земле, и **да благословит бог пути ваши!**» [3];

«И **это бог положил мне на душу тебе это сказать**» [3];

«однако я был еще **бог знает где**» [3];

«**Дай бог мне теперь не врать и себя не хвалить**» [3].

Словарь синонимов фиксирует лексемы-синонимы к слову «Бог» (всего приводится 298 лексем): **отец, небо, термин, создатель, творец, идол, всемогущий, лар, провидение, вездесущий, небожитель**» и т.д. [12].

Если сопоставить лексему «Бог» в рассмотрении приведенных выше словарей с полем концепта, можно увидеть отличия. Поле концепта гораздо шире, чем основное значение лексемы. Оно включает семантические планы слов-синонимов, стремится к категоризации. В центре концептосферы, на наш взгляд, находится сигнификативный слой (Бог – верховное существо, сотворившее мир и управляющее им). От него в отражениях распределяются остальные слои – денотативный, интенциональный, расширяющаяся компрегенция. На периферии находятся коннотативные смыслы и план генеритивного употребления (паремический). Концепт «Бог» в романе, по нашим предварительным наблюдениям, связан с космогонией писателя и героев и глубже по осмыслению, чем собственно лексема. Герои Ф. М. Достоевского, вероятно, как и сам автор, пытаются постичь Бога, буквально «увидеть и почувствовать его», принять или отвергнуть, сверить по нему свою жизнь. Особый посыл представляет в этом ключе Легенда о Великом инквизиторе, встроенная в роман как самостоятельное произведение. Если герои Достоевского, говоря о Боге, не видят его, а только представляют в воображении, то в Легенде Христос материален, Бог живой, осязаемый. Но парадокс в том, что в образе человека Бог для Инквизитора и, как он считает, веры и учения опасен, несет разрушительный для института церкви посыл. Вероятно, это можно объяснить выделенным нами полем концепта с названными выше слоями: персонификация образа разрушает большинство из них.

Концепт «Бог» является, на наш взгляд, буквальной «точкой отсчета» и «источником всеобщего смысла» (по В. В. Колесову). Отталкиваясь от лексического значения слова «Бог», приходим к логическому анализу понятия «Бог» Оно, расширяясь от точки отсчета, превращается во Вселенную, которую пытаются постичь герои Ф. М. Достоевского.

Данное исследование далеко не закончено, вероятно, выводы могут быть переосмыслены или дополнены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вихлянцев В. П. Библейский словарь. – М., 2020. – 556 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т.1: А–З. – М.: Русский язык, 1999. – 699 с.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/author/dostoevski/index.html> (дата обращения: 03.04.2023).

4. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ, Сер. 2. – 1992. – Вып.3 (16). – С. 30–40.
5. Колесов В. В. Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002. – 444 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287.
8. Муллинова Т. А. Концепт как объект исследования в когнитивной лингвистике // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Сборник статей участников IV Международной научной конференции 25-26 апреля 2008 года. – Том 1. – Челябинск, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/> (дата обращения: 03.04.2023).
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 30 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: ИСТОКИ, 2007. – 250 с.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Т. 1. А–Й. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
12. Словарь синонимов русского языка – онлайн-подбор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 03.04.2023).
13. Словарь философских терминов / научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 731 с.
14. Теософский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religion.niv.ru/doc/dictionary/theosophy/fc/slovar-193.htm#zag-440> (дата обращения: 03.04.2023).
15. Толковый словарь русского языка: в 4 т / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – 1562 стб.